

УДК 314:392
ББК 63.3(2)51(24)
Д79

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства
по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»
(2012–2018 годы)

*При оформлении обложки использована раскрашенная литография К. И. Бегрова
«Чарский лезгин». 1822*

Д79 **Дубровин Н. Ф.**
Кавказ и народы, его населяющие. Книга I. Кавказ. — М.: Кучково поле; Горные технологии, 2017. — 648 с.
ISBN 978-5-9950-0509-4
ISBN 978-5-9950-0614-5 (Кн. I)

Книга Николая Федоровича Дубровина (1837–1904), военного историка, генерал-лейтенанта русской армии, члена Академии наук, «Кавказ и народы, его населяющие» знакомит читателя с жизнью, обычаями народов в том положении, в котором застали их русские войска и власть, впервые появившиеся на Кавказе. Вышедшая более 100 лет назад в составе многотомного капитального труда Н. Ф. Дубровина «История войны и владычества русских на Кавказе», книга более никогда не переиздавалась, хотя это один из наиболее фундаментальных этнографических трудов по народам Кавказа и Закавказья. Особенно важно, что большая часть сведений о быте народов Кавказа и Закавказья относится непосредственно к периоду их самостоятельности, до вступления в российское подданство.

Издание предназначено для специалистов-историков, а также читателей, которые интересуются географией и этнографией народов Кавказского региона.

УДК 314:392
ББК 63.3(2)51(24)

ISBN 978-5-9950-0509-4
ISBN 978-5-9950-0614-5 (Кн. I)

© ООО «Кучково поле», 2015

Предисловие

Изложение военных действий двух или нескольких воюющих народов может быть понятно только тогда, когда известны современные им материальные и нравственные средства, которыми могли располагать оба противника. Эти средства заключаются главнейшим образом в административном устройстве самих государств или отдельных обществ и в характере их населения.

Изучение этого характера и администрации правительств должно предшествовать изучению военных действий. В европейских государствах администрация и правительства основаны на прочных, близких и почти одинаковых началах, более или менее известных каждому. Среди же племен азиатских, а в особенности тех, которые стоят на низкой степени развития и даже находятся, можно сказать, в патриархальном и первобытном устройстве, такое изучение администрации обществ и народного характера становится необходимым для каждого отдельного племени.

Это последнее должно быть с особым вниманием применено и по отношению к Кавказу, где вполне приложима русская поговорка: «Что город — то норы, что страна — то обычай».

Только ознакомившись с бытом туземного населения, можно указать здесь на причины, вызвавшие какое-либо распоряжение, то или другое историческое событие. Только при таком знании можно критически отнестись к фактам, сделавшимся достоянием истории. При изложении истории кавказской войны более чем где-нибудь необходимо изучение народного быта, потому что, как увидим впоследствии, отсутствие таких сведений между административными деятелями вело ко многим ошибкам, имевшим неблагоприятные и серьезные последствия.

Тот, кто стал бы отрицать необходимость изучения народного характера, пусть объяснит, почему, например, черкесы один лес отстаивали отчаянно, дрались с необыкновенной храбростью и, если приходилось, ложились поголовно под русскими штыками, а другой не защищали вовсе? Почему те же черкесы очень редко защищали аул, тогда как жители Дагестана, напротив, оборонялись в своем селении слишком упорно?

Объяснение этого явления можно найти только в особенностях быта обоих народов.

Большая часть территорий, населенной черкесским племенем, отличается плодородием, обилием леса и воды. Поэтому, если жена, дети и имущество были отправлены в горы или в безопасное место, то черкес легко кидал свою деревянную саклю и кусок обработанной им земли и без сожаления о них отправлялся далее в горы и в менее доступные места. При умеренности в пище и питье и при способности переносить все роды лишений черкес знал, что и на новом месте найдет такой же хлебородный кусок земли для посева кукурузы, его питающей; найдет в изобилии лес для постройки сакли и будет иметь такую же чистую воду и пастбище для быков. А для него более ничего и не нужно. Черкес защищался в ауле только в том случае, когда находились в опасности его жена, дети и имущество. Тогда он дрался с отчаянием и скорее сам погибал, нежели уступал что-либо врагу.

Совсем в другом виде представляется быт дагестанского горца.

Место, занимаемое жителями Дагестана, состоит, по большей части, из голых, безлесных и утесистых скал, песчаного или гранитного свойства; страна отличается недостатком воды и хороших плодородных земель. За неимением леса горец строил свою хижину из камня; постройка ее стоила ему много труда, и потому он защищал свой аул от разорения. Покидая его, он знал, что не скоро найдет землю, удобную для посева проса или кукурузы, необходимых для его прокормления; не найдет пастбищ и корма для своего скота, потому что повсюду видны одни бесплодные скалы; наконец, знал и то, что для постройки сакли ему необходимо положить много труда и времени, и оттого только по необходимости решался на переселение.

Эти особенности быта, с одной стороны, вызывали и особенный характер военных действий. Тот образ войны, который был удобоприменим на правом фланге кавказской линии и в Чечне, не мог считаться хорошим в Дагестане или на лезгинской линии.

С другой стороны, изучение народного характера важно и для администратора, чтобы крутым поворотом не нарушить прежних привычек народа: подобные обстоятельства часто, в особенности на Кавказе, служили причиной не только волнений, но и вооруженных восстаний.

Из многих подобных случаев можно указать на происшествие, до сих пор памятное многим на Кавказе.

Один из кабардинских князей женился на дочери другого князя с обязательством уплатить часть калыма (плата за невесту) по окончании ярмарки, на которой он рассчитывал продать табун лошадей. По прошествии этого срока зять все-таки не мог внести остальной части калыма, и потому тесть, по народному обычаю, потребовал возвращения дочери. Отдать жену, которую

любил и от которой имел уже сына, молодой князь не соглашался. Завязалось дело. Ответчика вызвали в Кисловодск в дом пристава, куда князь и приехал, окруженный по обыкновению значительной свитой, всегда и всюду сопровождающей своего господина. Дело должно было решаться по кабардинскому адату, и так как судьи не были еще собраны, а князь намеревался возвратиться домой, то пристав и приказал арестовать его.

Ответчик и его свита садились уже на лошадей, когда от них потребовали оружие. В понятии кабардинца, и вообще всех горцев, отнятие оружия равносильно отнятию чести или жизни, и потому горец, по преимуществу гордый, дорожа своей честью, никогда не простит обиды, нанесенной покушением обезоружить его. Князь при других условиях исполнил бы приказание начальства беспрекословно, с полной готовностью, но при такой форме требования вышло иначе. Первый из посланных, осмелившийся взять за поводья княжескую лошадь и потребовать от него оружие, упал к ее ногам с раскроенным черепом. Прислуга и свита князя выхватила винтовки и, рассчитывая ими дорогу, кинулась на улицу, но, будучи окружена войсками, укрылась в первом попавшемся доме, в кисловодском благородном собрании. Заняв на хорах собрания крепкую позицию, кабардинцы навели свои винтовки прямо на двери, и едва только показались в них солдаты, как с хоров посыпались выстрелы. Последние пошли на приступ и после отчаянного сопротивления кабардинцев князь был убит, а подле него легли все верные его спутники и слуги, заплатившие жизнью за нарушение коренных понятий о чести и долге, сложившихся веками среди населения их родины.

Кого обвинить в этой кровавой сцене: кабардинцев или кого другого? В изложении быта черкесского народа читатель увидит те особенности, которые обуславливали обязанности и отношения различных лиц к своему князю, и, конечно, не обвинит ни самого князя, ни его слуг, решившихся скорее умереть, чем нарушить закон, заветанный им их отцами и предками.

Случай этот указывает на необходимость изучения народного характера и особенностей, существующих в жизни каждого племени, словом, на необходимость этнографического описания, долженствующего предшествовать изложению военных действий и исторического хода распространения русского владычества в крае.

Описание это тем более необходимо, что Кавказ, если можно так выразиться, во многом исследован учеными, но мало известен публике. Чтобы убедиться в справедливости сказанного, стоит только прочесть несколько рецензий о Кавказе в наших столичных журналах, и тогда само собой обнаружится, что и рецензенты, бравшие на себя обязанность разбирать подобные сочинения, были очень и очень мало знакомы со страной, о которой судили и ряздили. Для примера приведу русский перевод сочинения Гакстгаузена

«Закавказский край». Сочинение это переполнено самыми грубыми техническими ошибками, в смысле географических сведений и названий, а между тем рецензент (Современник, 1857. Т. 66), рекомендуя книгу, не видел ее недостатков и не нашел сказать ничего более, как то, что «отдельные слова часто ставятся переводчиком не в том значении, в каком они приняты в общепотребительном литературном языке».

Еще не так давно, в первой четверти настоящего столетия, многие сочинения и даже официальные донесения страдали неопределенностью сообщаемых сведений.

Из многих статей и книг того времени можно вывести заключение, что было только два народа, с которым мы дрались, например, на кавказской линии: это *горцы* и *черкесы*. На правом фланге мы вели войну с черкесами и горцами, а на левом фланге, или в Дагестане, с горцами и черкесами, и лишь иногда, для разнообразия, какой-нибудь автор пустит новое название, например: черкес, назовет черкесами — и только!

Все это тем более странно, что ни один уголок нашего отечества не имеет столь обширной литературы по всем отраслям знаний, какую имеет Кавказ, но зато все это разбросано отдельными статьями по различным газетам и журналам и не представляет ничего целого.

Если бы я мог указать на какое-либо сочинение, хотя и не вполне удовлетворяющее цели, но, по крайней мере, несколько знакомящее с общим положением края, с его особенностями и характером народов, его населяющих, то, конечно, не преминул бы воспользоваться этим и сложил бы с себя работу, мне не принадлежащую. К сожалению, ни одно из таких сочинений мне не известно, и я по необходимости должен был взяться за побочный труд, не подходящий к прямой цели моих занятий.

Передавая его на суд лиц, желающих до некоторой степени ознакомиться с краем, я хочу сказать несколько слов о том взгляде, который положен в основание при его составлении.

Описание исторических событий может считаться верным только тогда, когда они изложены так, как происходили на самом деле. Войскам и администрации решительно нет необходимости в знании, кто был родоначальником их противника и которое по счету поколение живет на месте столкновения; но войскам необходимо знать, храбр ли его противник или трус, а администрации — каковы его силы и в чем заключается источник значения или могущества неприятеля. Ей необходимо знать характер и быт того народа, с которым она приходит в столкновение и среди которого проявляется ее власть и значение. Войска и администрация поступают в этом случае по тем общим законам, которые обуславливают каждого человека в его частной жизни. Люди незнакомые, но, по обстоятельствам, вступающие в сношение между собой,

прежде всего стараются изучить характер нового знакомого, его привычки, верность в исполнении данного слова, и затем, уже достаточно познакомившись, даже можно сказать сблизившись, узнают родословную друг друга. То же самое происходит и в жизни народов, сталкивающихся и мало или вовсе незнакомых между собой. Отсюда происходит то, что изложение народного быта, составляющее необходимое вступление к описанию хода исторических событий, не требует тех сведений, которые необходимы при изложении полной этнографии народа. В этом случае нет никакой надобности забираться в глубокую древность, искать происхождения того или другого народа, времени поселения его на местах, ныне ими занимаемых, а совершенно достаточно ознакомиться с характером племен в том положении, в котором застали их русские войска, впервые появившиеся на Кавказе.

Полагаю, нет надобности говорить при этом, что для подобного исследования гораздо важнее прошлая жизнь племен, чем настоящая, та жизнь, которая была современна эпохе ведения войны. От этого в очерк вошли и те обычаи, из которых, быть может, в настоящее время некоторые и не существуют; словом, очерк относится исключительно к прошедшему времени. С другой стороны, та же самая конечная цель — описание военных действий — дозволила мне не касаться этнографии тех немногочисленных племен, которые живут разбросанно среди господствующего населения. Не имея влияния на ход военных действий, такие племена терялись или, так сказать, стусевывались за главным населением, за другой народностью. К числу таких племен принадлежат: малкарцы, или балкарцы, горские евреи, туркмены, курды, удины, иезиды, персияне и проч.

Желание быть по возможности кратким и остаться верным своей цели лишило меня возможности воспользоваться многими интересными подробностями, относящимися до быта описываемых народов, и ограничиться указанием на те источники, в которых каждый может найти эти сведения сгруппированными в одно целое.

В заключение я должен сказать, что в издаваемом ныне первом томе «Очерк Кавказа и народов, его населяющих», все достоинство труда принадлежит по праву тем авторам, исследования которых послужили мне источником для составления настоящего очерка... Не прибавляя от себя ничего нового, я свел только в одно целое сведения, разбросанные по различным архивам, журналами, газетам и отдельным сочинениям. В этом только и заключается вся моя заслуга. О недостатках очерка я не говорю — их много.

Часть I

Орографическая и гидрографическая характеристика Кавказского региона

Глава I

Орографический очерк Кавказа. — Разделение Кавказского перешейка на три части. — Очерк Предкавказья, Кавказа, Главного хребта и северного его склона. — Орография Дагестана.

Простившись с рекой Доном у Аксайской станицы, Земли Войска Донского, путешественник почти до самого Ставрополя видит перед собой одну широкую и безлюдную степь. На расстоянии нескольких сот верст необозримая равнина только в некоторых местах пересекается небольшими речками, которые в действительности не более как ручьи, и притом со стоячей, мутной и гнилой водой. Повсюду окружная местность гладка и так ровна, что не на чем остановиться глазу. Отлогие и неглубокие балки (овраги), встречающиеся на пути, известны наперечет.

Негусто и население этой местности; выезжая из одной почтовой станции и до следующей, редко встретишь одну-две станицы, да и те видны издали, за десятки верст.

От границ Ставропольской губернии, т. е. перевалившись за черту Земли Войска Донского, начинается так называемый *Кавказский край*.

Под именем Кавказского края известен весь широкий перешеек, находящийся между морями Черным и Каспийским и ограниченный с севера Землею Войска Донского и Астраханской губернией, а с юга границей России с Турцией и Персией. Перешеек этот, соединяя Европу с Азией и владея двумя морями, его омывающими, может со временем служить торговым местом

свидания народов двух частей света, потому что одно море служит лучшей дорогой в Европу, другое в Азию.

Природа сама разделила Кавказ на три характеристичные и отдельные части: на *Предкавказье*, составляющее продолжение равнин Южной России и простирающееся до самого подножья гор; на *Кавказ*, или самый хребет, с его многочисленными отрогами, хребет, пролегающий от Тамани до Баку, на расстоянии около тысячи верст, и, наконец, на *Закавказье*, или пространство, лежащее по южную сторону главного хребта, до самой границы нашей с Персией и Турцией.

Северная половина Кавказского перешейка, или то, что мы назвали *Предкавказьем*, есть обширная равнина степной полосы Южной России, изредка пересекаемая возвышенностями, не превышающими гор средней России. Равнина эта, в свою очередь, разделяется на две различные части: одна, начинающаяся с северных границ края, от Земли Войска Донского и Астраханской губернии и на юге касающаяся рек Кубани и Терека, тянется по их течению вплоть до морей Черного и Каспийского. Другая часть равнины пролегает по подножию хребта гор также от берега одного моря до другого. Эта последняя изрезана невысокими горными отрогами, идущими то параллельно главному хребту, то по течению рек Лабы, Малки, Терека и Сунжи.

Первая часть *Предкавказья* есть степь в полном значении этого слова, степь широкая, безлесная, безводная, изредка только пересекаемая небольшими возвышениями и балками (оврагами). Незначительные рощи в окрестностях Ставрополя да по обоим берегам реки Кумы составляют единственную лесную растительность. Речки и вообще вода редкость в этой местности. Пять или шесть речек, принадлежащих к бассейнам Маныча и Кумы, текущей в Каспийское море, — вот почти и вся водная система этого пространства.

Все реки, составляющие систему Маныча, текут преимущественно по голой степи, отличаются недостатком воды, большей частью дурным ее качеством, и иссякают вместе с этой рекою.

Сама река Маныч представляет собой не более как русло, пролегающее по степи между параллельно идущими буграми и издали похожее на широкую торную дорогу. Сухое летом, ложе Маныча состоит из непрерывного ряда оврагов, рытвин, плесов, озер, соляных болот (хаков) и солончаков, служащих проводником для стока весенних вод.

Проложив себе этот путь, весенние воды стекают в русло Маныча на самое непродолжительное время, после чего река высыхает, за исключением нескольких образуемых ею соленых озер, сохраняющих воду в течение целого лета.

Местность, по которой пролегает русло Маныча, несколько западнее впадения в него реки Калауса имеет наибольшее возвышение, и потому от-

сюда весенние воды стекают на две стороны: на восток к Каспийскому морю, образуя *Восточный Маныч* и на запад к Дону, образуя *Западный Маныч*, впадающий в эту реку у Манычской станицы. Самым восточным пределом весенних разливов вод Маныча составляют озера Майли-Хоры, Кеке-Усуна и Састы, из которых последнее состоит из нескольких озер и озеринок. Все эти озера служат скопом вод, идущих весной по восточному Манычу. Наполнив Састинские озера, вода разливается по степи и идет протоками в озера Майли-Хору, Кеке-Усун и котловину Торц-Хак, где, собственно, и оканчивается течение восточного Маныча.

Западный Маныч образует также несколько озер, из которых наиболее замечательно Соляное озеро Маныча, или Манычкий лиман, имеющий до 70 верст длины и до 6 верст ширины. Лиман этот служит источником добывания соли для Ставропольской губернии и Земли Войска Донского.

Почва степи, по которой протекают оба Маныча, содержит в себе соль в большем или меньшем количестве. «Весенние воды, насытившись солью в степях, стекают в Манычскую низменность и, испаряясь в ней, местами досуха, оставляют после себя то горько-соленые озера, то солончаки, и вообще почву, чрезвычайно проникнутую солью. Почвенная вода вследствие этого также делается всюду соленой, и кормовые травы могут расти только на буграх и возвышенностях».

Из притоков Маныча, с левой стороны, наиболее замечательны: *Калаус*, получающий свое начало в Воровсколеских высотах и протекающий около 240 верст; *Большой Егорлык*, вытекающий из Темнолеских высот и протекающий до 280 верст, и наконец, *Средний*, или *Вонючий*, *Егорлык*, текущий между пологими берегами чрезвычайно медленно. Воды всех этих рек очень дурного качества, всегда мутны, отличаются дурным запахом и содержат в себе примеси различных веществ, делающих их негодными к употреблению в пищу и питье.

Самая значительная река степного пространства есть, бесспорно, *Кума*.

Вытекая с северной покатости Главного хребта гор, река эта в верхних и средних своих частях принимает с обеих сторон много притоков, которые во время полноводья довольно значительны. В это время она делается быстрой, глубокой и затопляет всю низменную долину.

В Куму впадают с правой стороны: речки *Волчья* и *Дарья*, имеющие хорошую воду во всякое время, *Залка* и *Большой Кирким*, в верхних частях которого вода хороша, а далее делается неприятного вкуса. Наиболее значительный из притоков Кумы река *Подкумок*, с его притоками, протекающий по долине, которая выше Пятигорска открыта, ниже покрыта мелким кустарником, а при устье довольно крупным лесом. При мелководье вода в Подкумке чиста и прозрачна, а при таянии снегов и полноводии мутна. С левой стороны в Куму

впадают: *Тамлык*, *Кумския Барсукли*, *Горькая* и *Буйвола*, все они незначительны, пересыхают летом, и тогда жители довольствуются цветущей, гнилой водой, сохраняемой в запруженных с весны балках.

Проезжая через станицы или селения возле подобных речек, меня часто поражал смрад и запах от постоянно гниющей воды. Свежему человеку нет возможности близко подойти к такому бассейну, а между тем жители многих селений, не имеющие у себя колодцев, употребляют подобную воду в пищу и питье. Красивый и здоровый вид туземного населения свидетельствует, впрочем, что вода эта, по-видимому, не производит дурных последствий в гигиеническом отношении.

Такой недостаток хорошей, пресной воды делает многие места этой степи положительно необитаемыми. Даже и кочевые калмыки приходят сюда только поздней осенью, когда могут довольствоваться дождевой водой из луж, называемых ими *цандыками*, или, с наступлением зимы, пользоваться снегом, из которого и добывают воду. Лучшие места, лучшие поселения группируются около Кумы — единственной порядочной речки этого степного пространства. По обоим берегам ее растут небольшие леса, здесь поселено много станиц, видны возделанные поля, хорошие пастбища, но и эта речка, не имеющая много притоков, осушаемая знойным солнцем, постепенно истощаясь, теряется в болотах и песках, не достигая моря. Два или три ряда мелких озер, прудов и луж, соединяющихся едва заметными мочевинами, поросшими камышом и занесенными песками, обозначают дальнейшее течение реки.

Недостаток леса и воды делает дожди в степи весьма редкими и порождает засуху. Температура летом переходит часто за 30° и иссушает траву до такой степени, что при поднявшемся ветре она превращается в огромное облако пыли, разносимой на далекое расстояние. В жаркие июльские дни прикавказские степи утомительны и однообразны; всюду видны желтые выгоревшие поля, которые редко поит едва журчащая по камням струйка воды, и пустынные станицы, в которых часто нет ни деревца, ни зелени: горячий песок под ногами, сверху чистое, безоблачное и голубое небо, с боков грязные стены изб да бурая солома на крышах, таков общий вид станицы. Грустно смотреть на подобные поселения, в которых проживают тысячи людей. Жара и жажда томит все живущее, а пить нечего, кроме соленой и гнилой воды. На всем окружающем лежит отпечаток утомления, лени, и только неизменный степной житель — ветерок просторно гуляет по всем направлениям, но и тот как будто боится забежать в балки или проезды между увалами: там духота нестерпимая.

В степи пусто, но просторно, тихо и ясно. На ветке бедного кустарника, вблизи дороги качается жаворонок; дорога бежит и теряется в синеве дали, а там, за несколько десятков верст, виднеется среди поля одинокая избушка с

плетневым забором и навесом для лошадей: это почтовая станция, открытая для всевозможных ветров, непогоды и зимних метелей.

Зимой морозы достигают здесь до 20°; вьюги и метели свободно гуляют по степи, и санный путь держится иногда в течение трех месяцев, с декабря до начала марта.

Таков общий вид степи, у северных границ которой кочуют калмыки, со своими стадами и табунами тощих лошадей, и где живут линейные казаки, крестьяне государственных имуществ, и оседлые ногайцы; а на юго-восток ближе к Каспийскому морю, обитают полукочевые *караногайцы*.

По мере продвижения на юг степной характер мало-помалу исчезает. Сначала вдаль обрисовывается несколько зеленых стрельчатых тополей, местность делается более волнистой, там и сям выдвигаются конические вершины холмов, дающие почувствовать, что степи скоро кончатся и впереди предстоит гористый Кавказ.

Эта часть Ставропольской губернии представляет возвышенную и открытую степную плоскость, перерезанную балками или оврагами. К берегам рек, орошающих эту местность, возвышенности оканчиваются иногда обрывами или весьма крутыми скатами. Горные хребты здесь образуют уже несколько значительных высот, возвышающихся над всей местностью и служащих как бы узлами всех возвышенностей, проходящих по Ставропольской губернии. К числу таких возвышенностей принадлежат Воровсколеская, Круглолеская и Темнолеская высоты.

С окрестностей Георгиевска и Пятигорска местность становится еще живее; видны невысокие горные цепи, небольшие леса и рощи; ручьи и речки встречаются нередко и, разнообразя местность, способствуют улучшению климата; дожди, перепадая чаще, делают почву более влажной и плодородной; пшеница родится здесь превосходно. Народонаселение этой местности гуще, и в нем заметно более движения и жизни. Многолюдные станицы, Екатериноградская, Александровская и другие, группируются по Военно-Грузинской дороге, а в соседстве с ними рассеяны ногайские аулы, раскинутые верст на триста в окрестностях Ставрополя.

Эта вторая полоса равнины, имеющая с лишком 800 верст длины, местами довольно узка, так что ширина ее часто не превосходит 30 или 40 верст. В средней своей части она представляет местность более или менее возвышенную и волнистую, а в приморских частях низменную и совершенно плоскую.

На этом пространстве, начиная от берега Черного моря, пролегают обширные равнины Кубанская и Закубанская; далее, от реки Малки и до так называемого Качкальковского хребта — начинающегося у Сунженского ущелья — тянутся равнины: Кабардинская, Владикавказская и Чеченская. Последние три, примыкая к подножью гор, ограничены: Кабардинская —

рекой Малкой и рекой Терекон; Владикавказская — Карадагским хребтом, западной частью Сунженского и верхним течением реки Сунжи, и наконец, Чеченская — рекой Сунжей и Качкальковским хребтом. Чеченская равнина чрезвычайно богата лесом, который в Кабардинской и Владикавказской сохранился не в такой степени и преимущественно по берегам рек.

Плодородная почва, роскошные травы и теплый климат составляют отличительную принадлежность и характеристику равнин, прилегающих к подножью гор.

Непосредственно к Чеченской равнине прилегает безлесная Кумыкская плоскость, заключенная между Терекон и Сулаком и ограниченная с востока и юга Качкальковским хребтом и последними покатостями северного склона гор. Плоскость эта не имеет никакой покатости к Каспийскому морю, так что орошающие ее реки *Аксай*, *Яман-су*, *Ярык-су* и *Акташ* не достигают моря, а, разливаясь по равнине, образуют болотистую пустыню.

Переход от степной полосы к равнинной слишком резок и поразителен: там безлесье и безводье, здесь неизмеримый парк, обнесенный, как оградой, с юга Кавказским хребтом, с севера значительными реками, с востока и запада двумя морями. Здесь разворачивается Кавказ во всем своем величии — прихотливый, поэтический и суровый. Теплый воздух освежается множеством источников, рек и ручьев, сбегаящих с гор, которые, с их снеговыми вершинами, составляют задний фон грандиозной и величественной картины.

Пользуясь теплым климатом, полоса эта обильна лесом, наполненным фруктовыми деревьями, между которыми не редкость чернослив, персики, абрикосы, шелковица, прекрасные груши, бергамоты и виноградник.

Близость снеговых гор отчасти причиною того, что на некоторых высоких плоскостях этой полосы бывает довольно суровая зима и морозы доходят до 20°. Плодородная почва, обильные и частые дожди дают иногда неслыханные урожаи, а простая трава местами достигает человеческого роста. Несмотря на столь щедрую природу, она мало обработана и весьма мало населена. Линейные казаки, поселенные поблизости гор, долгое время владели землей, не считая десятин, и в прежнее время горцам, выселившимся в наши границы, отделяли землю не десятинами, а целыми пространствами от одного какого-нибудь урочища до другого. В настоящее время земли эти поступают в надел и раздаются правительством частным лицам.

Население этой полосы чрезвычайно разнообразно: по Терекон, Сунже, Малке, Кубани и Лабе поселены линейные казаки.

Восточнее или левее Владикавказа живут чеченцы, рядом с ними и немного севернее, подле Моздока, назрановцы, кисты и ингуши, принадлежащие к тому же чеченскому племени; против Кизляра и южнее его — кумыки, расселившиеся до самого Каспийского моря.

земли, живут отдельными группами во многих городах и местностях как Закавказья, так и Кавказа.

Грузины и армяне, два христианских народа, разделены между собой мусульманским населением, которое, вторгшись клином с востока в средину Закавказья, расселилось до самой Куры и по ее долине. Мусульманское население состоит из *персиян* и *татар*, а по религии разделяется на шиитов и суннитов. Персияне расселились в юго-восточной и южной частях Закавказья, нижних частях долины Куры, на последних уступах Главного хребта, частью по берегу Каспийского моря и в пограничных областях с Персией. Татары же дворились в низовьях притоков реки Куры.

Как персияне, так и татары образовали отдельные ханства: Карабагское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышское. Все эти ханства находились под властью Персии и потом одновременно поступили в подданство России.

Перечислив племена, населяющие Кавказ и Закавказье, мы должны сказать, что некоторые из названных племен дробятся на множество поколений и отдельных обществ, в особенности те из них, которые населяют горы. Там каждая долина реки представляет собой как бы отдельное общество, имеющее весьма мало столкновений с соседями. Такая дробность и разъединение обществ, их суровость и дикость объясняется суровостью и дикостью горной природы, ее недоступностью и замкнутостью.

Значительная высота горных хребтов, окружающих возвышенные котловины, делает доступ к некоторым обществам весьма затруднительным. Часто только одна пешеходная тропа соединяет два общества, но и та доступна только в течение двух, а много четырех месяцев; в остальное время глубокие пропасти, заваленные рыхлым снегом, сглаживаются, и каждый шаг путника делается опасным. Вьюги и метели, сбрасывающие с соседних горных хребтов снеговые завалы, сильные и порывистые ветра, свирепствующие на перевалах, делают сообщение с соседями невозможным, и нередко в течение двух третей года. Предоставленные исключительно самим себе, одинокие в своей жизни, заперты со всех сторон в своей котловине, жители усвоили себе дикий и суровый характер, как дика и сурова окружающая их природа. Эта уединенность и замкнутость есть единственная причина, что многие поколения одного и того же племени живут различной жизнью, имеют не одинаковые нравы и обычаи и даже говорят особым наречием, нередко трудно понимаемым соседями-единоплеменниками.

Краткий очерк этих обычаев, а главное — характера народов, населяющих Кавказ и Закавказье, и составляет цель последующего изложения, приступая к которому мы будем придерживаться того порядка или того географического положения, которое занимают племена, населяющие Кавказский перешеек, и начнем его с племени *адиге*.

Часть II

Черкесы (адиге)

Глава I

Одежда черкеса, его жизнь и хищничество. — Черкесские деревни, дом и кунахская. — Гостеприимство и черкесский этикет. — Пища черкеса и угощение приезжего. — Обычай куначества и усыновления.

На самом высоком пункте правого берега реки Кубани, против устья реки Урупа, стоит крепость *Прочный Окоп*. Господствуя над окружающей местностью, он виден издали; равно и из него видно далеко за реку. Перед крепостью, на противоположном берегу Кубани, расстилается необозримая зеленая равнина, ограниченная на отдаленном горизонте темной полосой лесистых гор, из-за которых белеется ряд зубчатых вершин Главного Кавказского хребта.

Река Уруп, с ее притоками, вьется серебристыми лентами по равнине, кажущейся издали совершенно гладкой, но на самом деле перерезанной глубокими рывинами, оврагами или балками, служившими удобным местом для укрывательства черкесов, выжидавших случая прорваться в наши границы. Хищник, везде проникающий, трудноуловимый, не знающий усталости, умеющий терпеливо сидеть в засаде, выжидать время, чтобы совершить убийство или похищение, и почти всегда уходящий безвредно — таков был, в этом случае, характер черкеса, скрывавшегося в балках и оврагах, которыми изрезана Кубанская равнина.

Начиная от реки Зеленчука и до Черного моря, по течению Кубани, тянется эта равнина на расстоянии до четырехсот верст в длину и простираясь в ширину до семидесяти верст. Здесь был полный разгул для конных черкесов и для наших линейных казаков. Первые искали добычи, вторые гонялись

за ними, оберегая линию. И те и другие отличались смелостью, ловкостью, наездничеством и сметливостью; оба уважали друг друга и избегали встречи, но, встретившись, не отступали и не просили пощады...

Все существование черкеса сложилось так, что без хищничества не было для него жизни, не было удовольствий в настоящем, не было блаженства и в будущем мире. Выводив хорошо своего коня, выдержав его несколько часов без корма и призвав на помощь *Зейгута* — божество, по понятию народа, покровительствующее наездникам, — черкес отправлялся на хищничество или один, чаще же в компании, состоявшей из нескольких человек.

Одежда черкеса состояла из мохнатой бараньей шапки, обшитой галуном и прикрывавшей бритую его голову; из *бешмета*, черкески, ноговиц и сафьяновых чевяков, по преимуществу красных¹. Все это отличалось хорошим вкусом, изяществом покроя, в особенности чевяки, обувь без подошвы. На последнюю черкесы обращали особенное внимание в своем наряде. Чевяки шьются обыкновенно несколько меньше ноги и, перед надеванием, предварительно размачиваются в воде, натираются внутри мылом и сырые натягиваются на ногу, подобно перчаткам. Надевший новые чевяки должен выжидать лежа, пока они, высохнув, примут форму ноги. Под чевяки впоследствии подшивают самую легкую и мягкую подошву.

Весь костюм черкеса и его вооружение приспособлены были как нельзя лучше к наездничеству и к конной драке. Бурочный чехол скрывал его винтовку от нечистоты; она закидывалась за спину, и ремень к ней был пригнан так, что черкес легко заряжал ее на всем скаку, стрелял и потом перекидывал через левое плечо, чтобы обнажить шашку. Последнее оружие черкес особенно любил и владел им в совершенстве. Черкесская шашка остра, как бритва, страшна в руках наездника и употреблялась им не для защиты, а для нанесения удара, который почти всегда бывал смертелен. Он носил шашку в деревянных, обтянутых сафьяном ножнах и пригонял так, чтобы она не беспокоила его во время езды. За поясом заткнуты были два пистолета и широкий кинжал, неразлучный его спутник даже и в домашнем быту. На черкеске, по обеим сторонам груди, пришиты были кожаные гнезда для ружейных патронов, помещаемых в *газырях* — деревянных гильзах. На поясе висела жирница, отвертка и небольшая сумка, наполненная разного рода вещами, позволявшими всаднику, не слезая с лошади, вычистить оружие.

Несмотря на то, что черкес был с ног до головы обвешан оружием, оно пригонялось так, что одно оружие не мешало другому; ничто на нем не брэнчалось, не болталось, а это было весьма важно во время ночных набегов и

¹ Крестьяне носят иногда *кобенек*, род куртки из холста (см. *Каламбий*. На холме // Русский вестник. 1861. № 11).

засад. Его шашка, покоившаяся в сафьяновых *нахвах* (ножны), не звучала; его винтовка, скрытая в бурочном чехле, не блестела; его чевяк, мягкий и гибкий, как лапа тигра, не стучал; его конь, охлажденный ножом кастратора, не ржал на засаде, и, наконец, его язык, скудный гласными буквами и составленный из односложных слов, не издавал резких звуков при сговоре, сопутствовавшем ночному нападению.

Все незатейливое хозяйство в походной, скитальческой жизни черкеса находилось при нем. Отвертка винтовки служила огнивом, кремь и трут висели у него на поясе в кожаной сумке. В одной из патронных гильз положены были серные нитки и куски смолистого дерева для быстрого разведения огня. Рукоять плети и конец шашки обмотаны бумажной материей, напитанной воском; скрутив ее, он имел свечку. Богатый черкес носил всегда в кармане *кабалар* (бусоль), чтобы знать направление, куда следовало обращаться лицом во время молитвы. Хорошо выдержанный конь его был отлично выезжен и повиновался уздечке в совершенстве. Он не боялся ни огня, ни воды. Черкесские наездники шпор не употребляли, но погоняли лошадь тонкою плетью с привязанным на конце ее плоским куском кожи, для того чтобы при ударе не причинять лошади боли, а только понукать ее хлопаньем плети.

Седло черкеса было легко и покойно, не портило лошади даже и тогда, когда по целым неделям оставалось на ее спине. Встречая часто неприятеля в засаде, спешенный, он возил за седлом *присошки*, сделанные из тонкого и гибкого дерева; за седлом висели небольшой запас продовольствия и *тренога*, без которой ни один наездник не выезжал из дому.

Разборчивый вкус черкеса, не терпевший ничего тяжелого и неуклюжего, положил свою печать и на присошке. Два тонких деревянных прута, обделанные по концам костью и связанные наверху ремешком — вот черкесские *присошки*. Они имеют вид циркуля, иглы которого втыкаются в землю, а наверх кладется ружье. Присошка легка и удобна в потреблении; если черкесу не было места пристегнуть ее к седлу, он пристегивал к ружейному чехлу, и она не мешала ни на волос, ни пехотинцу, ни всаднику.

По лесам и оврагам пробирался черкес на хищничество; ехал ночью, а днем отдыхал, скрывался и караулил стреноженного коня. Выбрав в лесу полянку, огороженную непроходимой чащей терновника, хищники останавливались. Проворно соскочив с лошадей, доставали походные или седельные топоры, прорубали небольшую тропинку в чаще терновника, вводили туда своих лошадей и тотчас же принимались за новую работу; вырубленный терновник втыкался снова на прежние места и таким образом *зашивалась*, как говорят черкесы, прорубленная тропа. Если черкесы были уверены, что их убежища никто не обнаружит, то снимали с лошадей седла, а с себя оружие. Один из спутников заботился о приготовлении пищи или доставал походный

ее запас, другой шел с кожаным стаканом за водой, третий косил кинжалом траву лошадям или пускал их на поляну, но в последнем случае лошади непременно стреноживались. Черкесы, как и вообще все горцы, употребляли весьма простой, но практичный способ спутывать лошадей треногами, отнимавшими у них способность делать большие прыжки и уходить далеко. «Тренога состоит из двух широких сыромятных ремней, одного длинного, а другого короткого, связанных между собой в виде буквы «Г»; на концах этих ремней находятся петли из узких ремешков застегиваемые на костяные чеки. Коротким ремнем спутываются обе передние ноги, несколько выше копыта, а концом длинного ремня обвязывается одна из задних ног выше колена»¹. Петли с чеками дозволяли снять треногу в одно мгновение, при первой неожиданной тревоге.

Поев сухого чурека, партия хищников ложилась отдыхать; один стерег лошадей, другой с высоты наблюдал за окрестностью и «по полету и крику птиц заключал довольно верно о том, что происходило в непроницаемой глубине леса; и этих примет было достаточно для того, чтобы знать, приближаются ли люди».

В такой тревоге проводил черкес всю свою жизнь. Он не хлопотал ни о теплой сакле, ни о мягкой постели, ни о вкусном и сытном обеде. Бурка заменяла ему теплую хату, защищала от дождя и непогоды; седло служило изголовьем, а об обеде он не думал, вполне надеясь на гостеприимство своих соотечественников. Не имея вовсе продовольствия и остановившись где-нибудь в лесу, партия хищников отправляла, бывало, одного из своих членов в ближайший аул, который, по обычаю, снабжал странников молоком, просом и баранами, оставляя их поблизости от места расположения партии и, по черкесскому этикету и вежливости, не стараясь узнать: из кого именно состоит партия, откуда и зачем она пришла в этот лес? Таков был обычай, выведенный из практической жизни черкеса. Если случалось потом, что партия эта причиняла вред русским или отгоняла скот из соседнего аула, то жители, покровительствовавшие и кормившие партию, не увидев никого в лицо, с чистой совестью показывали, что не знают, кто были хищники. Последние не разбирали ни правого, ни виноватого. Черкесский хищник отгонял скот у своего соседа, если представлялся к тому случай. Так, когда в 1848 году за Кубанью строилось укрепление, то князь одного из ближайших аулов постоянно снабжал отряд мясом за очень умеренную цену. Впоследствии оказалось, что он с товарищами хищнически угонял скот у своих подвластных и не возбуждал в них этим негодования к себе, потому что кража производилась ловко².

¹ Воспоминание кавказского офицера // Русский вестник. 1864. № 10. (См. также Кавказ. 1855. №34.)

² *Сталь К. Ф.* (рукопись). Этнографический очерк черкесского народа // Материалы Военно-ученого архива Глав. штаба.

При осторожности жителей, хищничество не всегда удавалось; случалось часто, что за украденного коня или быка хищник платил жизнью или увечьем. Но в трудности состояла и вся слава хищника, дававшая молодому черкесу вес и уважение. Его начинали приглашать на все воровские предприятия; отличившийся в набегах собирал сам партии, и количество собранных под его начальство участников было лучшей вывеской его достоинства. Посвящая себя на такую жизнь, он похищенных быков, баранов и лошадей раздавал знакомым, потому что истый молодец должен был иметь щедрую руку, а сам ходить оборванным, питаться по знакомым и проводить молодость в тревогах и набегах.

Полуодетый, с обнаженной грудью и руками, голыми до локтей, с косматой шапкой на голове и буркой на плечах — таков был тип настоящего хищника. Только три вещи — ружье, обувь и кинжал, — без которых нельзя было жить в горах, были у него исправны, а все остальное висело в лохмотьях. Настоящий джигит (витязь) презирал добычу и довольствовался одной славой лихого наездника.

Страсть к хищничеству была у черкесов повсеместна. Но не одна жажда добычи побуждала черкеса к разбою и грабежу: слава заставляла его ходить на хищничество. Желание приобрести известность, сделаться храбрым *джигитом* (витязем), прославиться своей удалей, не только в одном каком-нибудь селении, но в целом обществе, в долинах и по горам, составляли его цель, его желание и, вместе с тем, лучшую награду переносимых трудов. Во многих случаях черкес брался за оружие, не знал отдыха, презирал опасность во время хищничества и боя для того только, чтобы стать героем песни, предметом былин и длинного рассказа у очага бедной сакли, а этого нелегко было достигнуть при врожденной скромности черкесов и отсутствии хвастовства и самохвальства. Черкес знал, что, прославленный поэтом-импровизатором, он не умрет в потомстве, что слава его имени и дел переживет и самый гробовой гранит.

— Его гробница, — говорит народная песня, — разрушится, а песня до разрушения мира не исчезнет.

Известность богатыря распространяла около него очарованный круг безнаказанности. Быть удайцом значило быть аристократом; только один разбой давал диплом на почтение и уважение; воровство и мошенничество считалось лучшей похвалой горцу¹.

Терпение, настойчивость, смелость и самоотвержение в хищничестве были изумительны. К этой страсти примешалась впоследствии политическая идея, и воровство приняло религиозный характер. С 1835 года хищники

¹ *Берзенов Н.* Из воспоминаний об Осетии // Кавказ. 1851. № 92.

приняли название *хаджиретов*; воровство в русских пределах считалось делом душеспасительным; смерть в наших границах давала павшему в бою венец *шагида*, или мученика. Набеги стали чаще и отличались своей дерзостью. С наступлением ночи, переправившись за Кубань, черкесы проскакивали далеко в наши пределы, неожиданно нападали на селения, грабили оплошных жителей, отгоняли скот, захватывали пленных и к утру, переправившись опять за Кубань, скрывались среди мирных аулов и, при их содействии, добыча быстро уходила в глубь страны, от одного аула к другому. Преследовать, а еще более поймать хищников было крайне затруднительно: за Кубанью они были дома. Почти у самого левого берега этой реки широкое пространство между Кубанью и горами было густо заселено небольшими группами черкесских аулов. На каждой версте можно было встретить два и три двора, обнесенные оградами¹.

Заметив на горизонте кучу сероватых бугорков, приподнимающихся иногда не более как на сажень от земли, а иногда просто сливающихся с земной поверхностью, и следуя по направлению замеченного, путешественник приезжал к черкесскому селению. Кабардинские аулы издали отчасти похожи на русские деревни, но, присмотревшись хорошенько, в них не найдешь никакого сходства: сакли раскинуты поодиночке или группами по разным направлениям, без всякой претензии и понятия об улицах. В постройке саклей нет и не было ничего общего: одна сложена из земли и камней и покрыта той же землей и теми же камнями; другая построена из турлука и обмазана с обеих сторон глиной, перемешанной с рубленой соломой. Крыша покрыта той же соломой или камышом и образует вокруг дома навес фута на четыре. Черкес любил жить отдельно, уединенно, и потому выбирал себе место для усадьбы далеко от соседа, где-нибудь между деревьями, которыми была так обильна его родина. Оттого весьма часто аул разбросан был на значительное расстояние вдоль высокого и крутого берега реки, прислоняясь тылом к дремучему лесу, доставлявшему жителям верное спасение в случае нападения русских войск.

Главный дом черкеса состоял из нескольких комнат с низкими дверьми и маленькими окнами без стекол и весьма редко затянутыми пузырем. Плотно запираемые ставнями, окна служили более для наблюдения за тем, что делается на дворе, чем для освещения комнат; главный свет проходил через двери, растворенные настежь летом и зимой. В дверях не было ни запоров, ни замков; на ночь двери запирались и заколачивались изнутри деревянными клиньями, отчего в аулах каждый вечер поднимался всеобщий стук, заканчивавший собой дневную деятельность его жителей. Около одной из стен комнаты устроено

¹ Бутков П. Г. (рукопись). Общие замечания о закубанцах // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба.

было полукруглое или четырехугольное углубление в земле для огня, над которым висела высокая труба, сделанная из плетня, обмазанного глиной; пол земляной, но так хорошо убитый, что не давал пыли. Вокруг печи приделаны полки, а иногда повешен целый шкаф, на полках которого становилась домашняя утварь и посуда, а оружие и одежда вешались на гвоздях. Широкие низкие кровати, покрытые войлоком и коврами, и небольшие круглые столы, расставленные по разным местам комнаты, составляли всю мебель туземца, а стоявшая на дворе четырехугольная маленькая, на двух колесах, арба, запрягаемая парой волов, — его экипаж. Вдоль стен, на полках, ставилась как украшение европейская посуда, и если хозяин был человек зажиточный, то колонна тарелок, ничем не покрытая и разложенная на самом видном месте полки, свидетельствовала о его достатке¹.

Хозяин, его жены и взрослые дети имели свое отдельное помещение, но посторонний человек никогда не проникал в эти отделения, посвященные исключительно семейной жизни; если же при этом хозяин был человек богатый, то он укрывал свою семью от постороннего глаза особым забором, которым обносил сакли и хозяйственные постройки. Постройки эти состояли из кладовой и хлева для овец. Кладовая разделялась на четыре закрома для различных сортов хлеба и, в предохранение от мышей, устраивалась так, чтобы пол ее не касался земли. Один и тот же двор, огороженный плотным тыном, заключал в себе все три строения. Рядом с ним находились огороды, где черкесы сеяли пшеницу, рожь, но преимущественно просо и кукурузу. Огороды окружены были деревьями и рощами, составлявшими для черкеса первую необходимость.

Вне ограды или забора у богатых, и в дальнем углу ее у бедных, строился *хаджичиж* — приемный дом для гостей, или *кунахская*. Самая значительная часть имущества, и лучшая его часть, шла у черкеса на убранство этой комнаты. Дом для гостей строился, по возможности, на удобном месте, огораживался частоколом или плетнем, оставляя чистый двор, обсаженный нередко ветвистыми деревьями, под тенью которых гость мог бы укрыться от летнего зноя. Люди со средствами устраивали другой такой же дом, меньших размеров, внутри семейной ограды, и этот последний назначался для приема исключительно одних только родственников или самых близких знакомых. При *кунахской* устроена была конюшня, а за оградой врыт столб (коновязь) для привязывания лошадей; под столбом — небольшой круглый навес для предохранения седла от дождя и лошади от зноя.

¹ Баратов Т. Г. О природе и хозяйстве Кабарды // Кавказ. 1860. № 73; О гостеприимстве у черкесов // Там же. 1859. № 7; Воспоминания кавказского офицера // Русский вестник. 1864. № 10; Кавказ. 1855. № 34.

Устройство кунахской и ее убранство не отличалось ничем от устройства обыкновенных черкесских домов; только камышовые циновки, ковры, тюфяки и подушки, составлявшие самую значительную и роскошную часть домашних принадлежностей черкеса, свидетельствовали о заботе хозяина сделать это помещение, по возможности, роскошным и удобным.

По одной стене комнаты ставился невысокий диван с подушками, покрытый узорчатой циновкой; в стене над диваном было вбито несколько деревянных гвоздей или колышков; на одном из них обыкновенно висела скрипка или балалайка о двух струнах, на другом — нечто вроде лиры о двенадцати струнах, а остальные гвозди предназначались для размещения на них седла, оружия гостя и других походных его принадлежностей. Длинная дубовая скамья, передвигаемая, по мере надобности, с места на место, от одной стены к другой, составляла единственную мебель комнаты. Медный кувшин с тазом для омовения и *намазлык*, шкура дикой козы, или небольшой коврик, на который мусульмане становятся на колени во время молитвы, составляли необходимую принадлежность каждой кунахской. Стеганные ситцевые или из синей бумажной материи одеяла, вместе с подушками и коврами, грудой складывались в одном углу комнаты. Слабый свет *чачьяхури* — плоская, в которой горит жир — слабо освещал кунахскую, часто состоявшую из одной комнаты, разделенной надвое верблюжьим сукном. Каждый хозяин сколько заботился о чистоте кунахской, столько же и о доставлении, по возможности, всех удобств гостю.

Гостеприимство развито было между черкесами в самой широкой степени и составляло одну из важнейших добродетелей этого народа. Гость был священной особой для хозяина, который обязывался угостить, охранить его от оскорблений и готов был жертвовать для него жизнью, даже и в том случае, если бы он был преступник или кровный его враг. Стоило только преступнику ввалиться в первую встретившуюся ему саклю — и он под защитой, он в безопасности.

— Благословение на дом и жену твою! — говорил незнакомец, входя в саклю. — Во имя славных дел твоих, седой джигит (витязь), требую гостеприимства, седла и бурки....

— Голова моя, — отвечал хозяин, — и заряд за друга или недруга. Ты гость мой и, стало быть, властелин мой.

Каждый путешествующий черкес останавливался там, где застигала его ночь, но предпочитал остановиться у знакомого, и притом человека достаточного, такого, которому не было бы слишком обременительно угостить приезжего.

Если едущих было много, то они, останавливаясь на ночлег, разделялись на несколько партий, которые и расходились по соседям.

Хозяин, услышав издали о приезде гостя, спешил к нему навстречу и держал стремя, когда тот слезал с лошади. В глазах каждого черкеса не было таких поступков и услуги, которые могли бы унижить хозяина перед гостем, как бы велика ни была разница в их общественном положении. Звание хозяина, точно так же как и гостя, здесь не играло никакой роли, и только некоторые, самые незначительные оттенки делали разницу в приеме более редкого или почетного гостя от обыкновенного. Едва только гость слезал с лошади, как хозяин, прежде всего, снимал с него ружье и вводил в кунахскую, указывая там место, обложенное коврами и подушками, в самом почетном углу комнаты. Здесь снимали с приезжего все остальное оружие, которое или развешивалось в кунахской, или относилось в дом хозяина. Последнее обстоятельство имело у черкесов двоякое значение: или что хозяин брал, по дружбе, на себя всю ответственность за безопасность гостя в своем доме, или что, не зная его, не очень ему доверял.

По принятому обычаю, в сакле тотчас же разводился огонь, и чем больше было огня в очаге, тем больше почета для гостя. Если гость был важного происхождения, какой-нибудь князь, приехавший к другому князю, и имел за собой многочисленную свиту, то он обыкновенно останавливался у князя только в том случае, если у него не было гостей, а в противном случае располагался у одного из старших подвластных князю. При приезде оставались старшие его спутники и человека два-три самых младших; прочая свита расходилась по домам остальных жителей аула.

Гостя принимали с тем радушием, которым отличаются вообще все горцы. Приезжий мог оставаться в гостях сколько ему было угодно, но приличие требовало не засиживаться слишком долго. Войдя в саклю, гость, во все время пребывания в ней, находился на руках и попечении о нем хозяина, который обязан был предохранять его от всякой неприятности и угощать вместе со свитой, как бы многочисленна она ни была. Для почетного гостя хозяин резал барана, а иногда и штуку рогатого скота. «Добрый хозяин, — говорит черкесская поговорка, — обязан доставить гостю сытный стол, хороший огонь и обильный фураж». Мысль о том, что скажут о нем гости по возвращении в свою сторону, преследовала хозяина; день и ночь он хлопотал о госте, старался быть при нем безотлучно и лишь оставлял его на несколько минут для того, чтобы узнать, сыты ли и накормлены ли лошади приезжих. Все это делалось без всякой мысли о вознаграждении, из одного убеждения, что он исполняет завет отцов и долг гостеприимства. Взять подарок от гостя значило навлечь на себя всеобщее презрение, да и сам гость не предлагал его, боясь оскорбить тем хозяина.

Усевшись на почетном месте, приезжий, как водится у черкесов, проводил некоторое время в глубоком молчании; хозяин и гость, если они были

по ночам в их аулы, они приобретали при их посредстве все необходимое взамен доставления сыра, лука, масла или чего-нибудь краденого. Прожив тайно день или два в доме мирного своего кунака, промышленники такого рода возвращались по ночам с приобретенным товаром в свои горы. Свой своего не выдавал, а прекратить такую промышленность не было возможности. Аулы мирных были разбросаны на значительное расстояние, не обносились ни забором, ни канавой и потому имели во все стороны бесчисленное число выходов, доставляющих возможность легко ускользнуть от внимания других. Часто, однако же, подобные лица, с нагруженными товаром арбами, попадались в руки наших казаков.

Чеченцы надтеречные и сунженские до 1840 года вели довольно значительную торговлю лесом. Они приготовляли в течение зимы плоты строевого и дровяного леса и в половодье сплавляли их по Сунже и далее по Тереку, до Кизляра, где их собиралось ежегодно довольно значительное количество (до 600 плотов). Другой вид промышленности были обручи, бочарные доски и *таркалы* (колья, к которым привязывают виноградные лозы), доставляемые также в Кизляр, богатый своими виноградными садами. Жители горных пространств не пользовались и этим видом промышленности.

Лес в Чечне не составлял частной собственности: каждый, кому он был нужен, мог рубить где угодно и сколько угодно, а при обилии его кругом покупать не было никакой надобности, так что, собственно говоря, лес не представлял собой никакой другой ценности, кроме той, во что обходилась его доставка, стоившая, впрочем, по отсутствию дорог, довольно дорого. Жители Ичкерии, и вообще горные, снабжали чеченцев, живущих на плоскости порохом, частью оружием, модной посудой, яблоками, грушами, виноградом и орехами. Вся эта торговля была, по преимуществу, меновая и редко велась на деньги. Мерой длины служил *локоть*, а для сыпучих тел высшая мера, известная чеченцам, была равна восьми нашим гарнцам и содержала в себе пять *сага*, или чашек; две такие меры назывались *мозоль*. Для определения веса употребляли *пуд* (пунт) и *фунт* (герке); вешали безменом. По малому обращению золота чеченцы имели скудное о нем понятие, не придавали ему особенной цены, а предпочитали всему серебряные деньги, в особенности новую блестящую мелочь. Монетная система их была также не разнообразна: 10 рублей они называли одним общим именем *тюмен*, 1 рубль — *сом*, 20 копеек серебром — *эпис*, 5 копеек — *шаги*; других названий деньгам не имели¹.

¹ Берже А. П. Чечня и чеченцы. 1859; Клингер И. Нечто о Чечне // Кавказ. 1856. № 97, 101; Огранович И. Поездка в Ичкерию // Там же. 1866. № 20, 22; Петухов П. Из Нагорного округа // Там же. 1866. № 53; Грабовский Н. Ф. Экономический и домашний быт жителей Ингушевского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III.

Глава 2

Религия. — Основание учения о муридизме. — Духовенство и его положение. Суеверие. Колдуны и колдуньи. — Порча сглазу. — Гадание.

Господствующая религия чеченцев магометанская, суннитской секты. Нагорные чеченцы никогда не были христианами и весьма строго придерживаются магометанства. Напротив того, жители Большой и Малой Чечни, как свидетельствуют предания и развалины древних храмов, встречающиеся и до сих пор в стране, исповедовали некогда христианскую религию.

Следы христианства видны из того, что по-чеченски неделя называется точно так же, как и у грузин — *квирэ*, а воскресенье — *квиренд*, т. е. недельный день; пятница же называется у них *пирескэ* от грузинского *параскеви*. Ко всему этому можно прибавить то, что при входе в Аргунское ущелье, вблизи аулов Атага и Чахкери, на том самом месте, где построена была Воздвиженская крепость, был найден большой каменный крест с вырезом для образа; от этого креста и крепость получила настоящее свое название.

Трудно определить, когда именно чеченцы приняли мусульманскую религию, но с достоверностью можно сказать, что различные племена этого народа принимали эту религию разновременно и, во всяком случае, ислам водворился у них не ранее начала прошлого столетия. Один из значительнейших тохумов, или фамилий чеченских, принял последний мусульманскую веру около ста лет тому назад. Этот тохум известен под именем Гуной, и предпоследнее поколение его, как известно, придерживалось еще некоторых христианских обычаев не далее как за 60 лет.

— Не скрою от тебя, — говорил чеченец Заур майору Властову, — что я знаю наверное, что седьмой отец мой (предок в седьмом поколении) ел свинину. Я не помню крестов, но слышал, что мы исповедовали какую-то другую веру, но какую именно, не знаю...

Назрановцы, или ингуши, кистины, галгаевцы, цори и джерахи принадлежат к смешанной религии. Большая часть из этих народов исповедуют, по наружности, православную веру, другие — магометанскую и, наконец, третья часть — совершенные язычники. Христианство исповедует преимущественно простой народ, а семьи старшин придерживаются магометанства как допускающего многоженство.

Галгаевцы хотя и называют себя магометанами и имеют мулл, но следуют особому и весьма оригинальному богослужению. Они молятся только по ночам у четырехугольных столбов, устроенных в рост человека, на возвышенных местах или вблизи кладбищ. Весь процесс моления их заключается в том, что молящийся становится на колени и кладет свою голову в маленькую нишу, устроенную у подножья столба, с восточной стороны.

Исполняя некоторые христианские обряды, они в то же время поклоняются идолам. У ингушей идол *Гушмале* пользуется уважением многих аулов и даже соседних племен.

Ингуши почитали прежде нечто вроде человеческих скелетов. В двадцати верстах ниже крепости Назрана, по Сунже, выстроена каменная будочка, в которой находятся эти скелеты. Теперь верование в них почти совершенно оставлено, но ингуши и в настоящее время прикрывают их полотном в знак того, что и до сих пор сохраняют некоторое уважение к их остовам.

Предание утверждает, что скелеты эти принадлежат народу *нартов*, некогда жившему около Назрана, и что они оставались нетленными в течение 2000 лет, но с приходом русских стали портиться.

Ингуши признают единство Бога и, называя его *Дайле*, содержат два поста: один весной, другой осенью. Главный жрец их, называемый *святым человеком*, жил прежде при старинной каменной церкви, на высокой горе, неподалеку от Ингушевского аула. Церковь эта и до сих пор в большом уважении между ингушами. Они приносят ей в жертву скот, никто не смеет взойти в ее внутренность и при приближении каждый падает ниц в знак высокого уважения. Имя церкви употребляется в клятвах, а стены ее служат убежищем больным и несчастным, которые поселяются около нее в особо построенных для того хижинах. Подобно ингушам, и кистины соблюдают пост в феврале и марте месяцах и во все продолжение его употребляют растительную, но не животную пищу.

Следуя некоторым христианским уставам, ингуши, кистины и галгаевцы празднуют, однако же, Новый год тремя днями ранее нашего. Свой год они считают в 365 дней, но разделения его на месяцы не знают. Ингуши знают о существовании луны (бут); имеют название дней в неделе, но счет дней ведут с понедельника.

Накануне Нового года производится гадание: святоши, или *одаренные* даром предсказаний, отправляются в ближайшее капище, ложатся животом на землю и остаются в таком положении целую ночь. На следующее утро, в самый день Нового года, они выходят из капища и объявляют суеверным то, что они будто бы слышали лежа и прислушиваясь к земле.

Народ всех трех поколений в день Нового года отправляется в горы, где и приносит жертву *Гальерду*, почитаемому ими за святого. Гальерд — это дух, в честь которого посвящены многие церкви и часовни, оставшиеся от бывшего некогда в этих землях христианства, или в честь которого построены новые капища и жертвенники. Жертвоприношения их этому святому состоят из произведений незатейливого их хозяйства, и преимущественно из вновь отлитых пуль, которые и складываются в капище. Перед жертвоприношением зажигаются восковые свечи, а после того пируют и веселятся.

Кистины 5 июля собираются на гору Матхон, на вершине которой находится три памятника, обращенные фасадом на восток и называемые туземцами церквами. В одном из них они совершают празднества в честь св. Георгия, в другом — Божией Матери, а в третьем — св. Марине. Внутри строений нет ничего, кроме навешанных по стенам и наваленных на полу в куче и беспорядке турьих, бараньих и оленьих рогов, нескольких значков и стаканов, принесенных в жертву. Места эти глубоко уважаются окрестными жителями, собирающимися на праздник из отдаленных селений. Празднество сопровождается жертвоприношениями, играми, песнями, плясками и продолжается часто несколько дней.

В деревне Хули, кистинского племени, существует пещера, около которой в скале вделан железный крест. Пещера эта, точно так же как и находящаяся в том же ауле древняя церковь, посвящены памяти св. Ерды. Пещера известна туземцам под именем *Тамыч-Ерды*, а церковь — *Зодцох-Ерды*; в последней и до сих пор совершаются поклонения и жертвоприношения.

По преданию, 400 лет назад Ерда Дударов, предок ныне существующей значительной фамилии в Тагаурском ущелье, построил церковь и назвал ее по-кистински *Зодцох-Ерды*, т. е. во имя св. Ерды, пользующегося особым уважением между кистинами. Каждый из жителей, предпринимая какое-нибудь дело и желая окончить его с успехом, обращается с просьбой к этому святому; больные просят его исцеления. В честь этого святого совершаются празднества: по указанию одних — в половине июня, а по словам других — в августе, перед началом жатвы, и в октябре.

В день праздника все кистины, кто только почитает св. Ерды, не различая ни пола, ни возраста, собираются в хулинскую церковь. Мужчины молятся днем, женщины же приходят в храм только ночью. Празднество начинается обыкновенно молитвой, произносимой каждым молящимся.

— Дай, Господи, милость свою, — произносит он, — и ты, св. Ерды, окажи оную, вместе с Матциала (св. Матвей, по преданию кистин, был первый почитатель церкви и установитель обряда жертвоприношения), чтобы в хлебе было плодородие, в скоте изобилие, а в детях счастье. Избави их от вражды и всякого несчастья и несогласия, но ежели кто из них будет иметь вражду, то чтобы мог преодолеть оную навсегда и во всякое время.

Окончив молитву, пришедшие совершают жертвоприношения, которые состоят из разного рода животных, при заклании которых всегда обращаются на восток. Затем начинается праздник, продолжающийся целые сутки и состоящий в песнях, пляске, пьянстве и обжорстве.

В половине июня месяца джерахи вместе с кистинами совершают ежегодно праздник в честь Мацели (Божией Матери), во имя которой посвящена церковь, или лучше, часовня, находящаяся на так называемой Столовой горе, видимой из Владикавказа.

Отправляясь на праздник, жители берут с собой скот, предназначенный на жертву, и, кроме того, каждый обязан сделать приношение: стакан, колокольчик, значок и проч. Подобные священные места всегда завалены этими приношениями и костями жертв, и никто не трогает их из опасения Божьего гнева. Для отправления праздника выбирается один из жрецов, которому поручается управлять церемонией. Накануне праздника он отдает приказание, чтобы все взрослые девушки, имеющиеся налицо, собрались поутру в назначенном месте. Туда же приходят и мужчины, желающие принять участие в празднике. «По сборе всех на место жрец-церемониймейстер выбирает самую красивую девушку и предлагает ей идти вперед, а сам следует за ней, держась за ее платье; примеру жреца следуют и другие. Таким образом составляются пары, которые одна за другой поднимаются на гору к священному месту».

Принеся на горе жертву, туземцы пируют¹.

У галгаевцев, вблизи аула Хейры, есть старинная церковь, называемая туземцами *Каба-Ерды*, основанная, по мнению некоторых, в XII веке. Церковь эта в большом уважении у жителей. Два раза в год, на Пасху и в Троицын день, галгаевцы собираются к церкви, «делают жертвоприношения, бьют быков и баранов, спрыскивая их кровью стены и помост и прибывая головы жертв к стенам церкви, после чего бывает джигитовка и пиршество».

Точно таким же почетом пользуются у этого племени часовня *Дзорах-деэль*, и преимущественно церковь *Тхабляй-Ерды*², вблизи которой жители оставляют без всякого присмотра хлеб, сено, дрова и прочее, вполне уверенные, что никто не осмелится похитить отданное под защиту церкви. Об этой церкви между галгаевцами ходит точно такой же рассказ о человеческих костях, какой существует у осетин и приведен нами выше. «По рассказу стариков, — пишет Грабовский, — в одной из полуразрушенных келий, окружающих церковь, есть отверстие (заложенное), ведущее в подземелье, в котором хранится человеческая кость, бедро, имеющее в длину с лишком два аршина. Когда в горах бывает засуха (редкое явление), жители окрестных аулов собираются к церкви и поручают одному из почтенных стариков отправиться в названное подземелье достать оттуда кость; с ней, сопутствуемый народом, выборный идет к реке Ассе, погружает ее несколько раз в воду и затем опять относит в место хранилища ее. Туземцы уверяют, что всегда, как они прибегнут к этой

¹ Горский участок Ингушевского округа в 1865 году // Терские ведомости. 1868. № 23; *Грабовский Н. Ф.* Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Сборник сведений о кавказских горцах. 1870. Вып. III.

² Названия *Каба-Ерды* и *Тхабляй-Ерды* не принадлежат ли одной и той же церкви? Я не мог отыскать необходимых для этого разъяснений, но полагаю, что вся разница состоит в произношении названия туземцами. Желательно бы было, чтобы лица, близко знакомые с местностью и с жизнью туземцев, разъяснили это.

церемонии, дождь льет ливня¹. Кроме того, некоторые туземцы по секрету рассказывают, что там же, в другом подземелье, хранятся книги и церковная утварь, но никто не вызывается указать это место, как и то, где хранится благодетельная кость».

Подобно осетинам, племена ингуш, кистин и галгаев считают в году три главных праздника: Новый год, день Пророка Илии и день Св. Троицы².

Имея очень много сходства в образе жизни и обычаях с осетинами, племена эти не отличаются от последних и по обычаям, совершаемым во время праздников, точно так же, как и самые праздники бывают одновременно с осетинскими.

Остальное население Чечни исповедует, как выше сказано, ислам. По правилам этой религии, женщины, кроме самых престарелых старух, не допускаются в мечеть. Причиной тому служит обязанность женщин молиться с открытыми лицами, что допускается только в присутствии самых близких родственников. К тому же, перед молитвой каждая женщина обязана снять с себя шальвары, чтобы тем устранить всякое сомнение в своей телесной нечистоте³.

Хотя Магомет лично отвергал монашество и сказал, что *нет монашества в исламе* (ля рагбанияти фи-ль ислам), но, несмотря на то, впоследствии образовались многие монашеские ордена, основанные с весьма разнообразными целями и видами.

В числе их появился и муридизм, проповедующий *тарикат*, или *истинный путь* к спасению.

Учение ислама состоит, собственно, из трех проявлений духовной деятельности пророка: *шариата*, *муридизма* и *хакикята*.

Шариат есть исключительно наставление или живое слово Магомета, и включает в себе правила, которыми следует руководствоваться в жизни каждому правоверному. Исполнители шариата есть лица духовные, которые носят название: *улемов*, *кадиев*, *муфтиев* и *мулл*. Они обязаны проповедовать добродетель, примирять враждующих, решать возникающие споры, судить за проступки и определять за них наказания. Эти же лица обязаны следить за

¹ См. показание Шегрена, приведенное на с. 319. Любопытно было бы исследовать, кто заимствовал этот рассказ: галгаевцы ли у осетин или осетины у галгаевцев, и где действительно хранятся кости.

² *Берже А. П.* Чечня и чеченцы; *Несветский* Церковь в дер. Хули у кистов // Кавказ. 1849. № 3; *Шегрен А. М.* Религиозные обряды осетин, ингуш и проч. // Там же. 1846. № 27, 30; Горский участок Ингушевского округа в 1865 г. // Терские ведомости. 1868. № 23; *Властов Г.* Война в Большой Чечне, с. 13; *Грабовский Н. Ф.* Экономический и домашний быт и проч. // Сборник сведений о кавк. горцах. Вып. III.

³ Выдержки из записок Абдурахмана // Кавказ. 1862. № 73.

чистотой религии, заботиться о ее распространении и, в отношении богослужения и исполнения религиозных постановлений, отправлять по пятницам, или в праздничные дни, установленные молебствия и совершать различного рода обряды.

В истории развития магометанского учения и в ряду религиозных революций между мусульманами играет весьма важную роль *муридизм*, основанный, собственно, на трех началах, которые называются: *да'ват*, *джихад* и *тарикат*. *Да'ват* означает, собственно, приглашение людей к восстанию против ненавистной власти и к защите законных или религиозных прав мусульман.

С появлением ислама и с приобретением Магометом силы и власти пророк посылал своих доверенных лиц к разным соседственным владетелям с приглашением принять ислам добровольно, по собственному желанию. В случае отказа Магомет предпринимал *джигат*, что, в техническом переводе, означает «война за веру, и принуждал отказавшихся силой к тому, чего они не хотели принять добровольно. Впоследствии многие из его преемников и даже, более того, «всякий самозванец, устроив начало своего политического или духовного поприща, посылал из числа своих друзей и сподвижников агентов и миссионеров, с приглашением (с да'ватом) жителей разных стран последовать его учению или под его знамя». Отказ приглашаемых к исламу вызывал со стороны приглашавших распространение своего учения мечом, т. е. при помощи *джихада*. Таким образом, последний есть результат отказа на *да'ват*.

Джигад в руках халифов служил долгое время лучшим орудием для завоевания различных стран и объяснялся мусульманами как дело священное и совершенно законное. «О Пророк! — говорит Аллах словами Корана Магомету. — Рагуй против неверных и богоотступников и будь жесток к ним: их жилищем будет ад, и скверная дорога предстоит им туда... Бог обетовал правоверным обоюга сады в раю, в которых протекают вечные ручейки, и блаженные жилища в садах аднских...¹ Поистине те, которые веруют и которые оставляют свое отечество и воюют на пути Божиим — поистине те ищут с надеждой милости Аллаха»². Такое положение, лежащее в основании религии, естественным образом становилось неременным заветом для каждого мусульманина вести войну за веру, тем более что кроме загробной награды, обещанной каждому павшему в джихаде и даже участвовавшему в нем без лишения живота, предоставлялись существенные и материальные выгоды в настоящей жизни. По установлению Магомета, добыча, головы и имущество побежденных, их жены и дети становились собственностью победителей. «Го-

¹ По толкованию самого Магомета, Адн есть название жилища Аллаха, которого ничьи глаза не видали, ничьи уши не слышали.

² Коран, 11:74; 2:215.

лодным подданным имама, — пишет Казем-Бек, — джихад, конечно, должен быть милее и усладительнее, чем охота для страстного охотника».

Совершенно противным джихаду является учение *тариката*.

Тарикат, или *путь к Богу*, служит как бы указателем нравственного пути, по которому должен следовать каждый правоверный, чтобы достигнуть блаженства. Последователей этого учения называют по-персидски: *иманами* (имамами) и *пирами*, а по-арабски *шейхами*, *софиями*, *муридами*. Истинные исполнители этого учения должны искать уединения, день и ночь молиться Богу, отличаться восторженной любовью к Творцу, *не заботиться о суете мирской, не вмешиваться в светские дела, отказаться от власти и ни в каком случае не употреблять оружия*.

Хакикят есть видение, или верование Пророка.

Из всех трех учений: шариата, муридизма и хакикята, только один шариат обязателен для всех без исключения мусульман. Тот, кто не повинуется шариату и его уставам, тот не имеет права носить названия правоверного, и такого человека ожидают не блаженство в будущем, не гурии, а страшные муки в адском огне.

Тарикату же могут следовать только желающие и избранные, такие лица, которые не довольствуются обещаниями райских наслаждений, а проникнуты глубоким сознанием и верой в величие Бога и убеждением в ничтожестве земной жизни.

Еще при жизни Магомета встречались благочестивые люди, которые по внутреннему влечению или по призванию совершенно удалялись от света и предавались молитве и самоизнурению. Проводя дни и ночи в пустынях и пещерах, они питались кореньями трав и своими поступками возбуждали любопытство, удивление, а в некоторых даже и уважение к подобному подвижничеству. Эти боголюбивые люди впоследствии составили братство, очень похожее на христианское монашество.

Сам Магомет не был против того учения, которое ныне известно под именем тариата; он даже присваивал его себе, говоря: «*Тарикат — это мои деяния*». Но пророк не любил христианского монашества, и оттого только, что оно требовало безбрачия, а потому приведенные нами слова его: что *нет монашества в исламе*, следует понимать в смысле того, что в исламе нет монашества с правилами христианскими.

Таким образом, *тарикат* не есть новое учение, но оно явилось почти одновременно с магометанством или, по крайней мере, застало в живых главу исламизма — самого пророка Магомета.

Желающий следовать учению тариата должен отречься от мира и предаться созерцанию истинного Бога. Для достижения этой цели он должен обратиться к опытному наставнику, который мог бы сообщить ему все

таинства и условия для достижения самой высшей степени нравственного совершенства.

Тот, кто учит тарикату, называется *муршид* (указующий путь желающим), а тот, кто учится или следует учению *муршида*, называется *муридом* (ищущим, желающим истины). Основание этого учения, приведенное в систему, и составляет часть того, что называют *муридизмом*.

Каждый желающий отречься от мира готовится к тому молитвой, потом приходит к *муршиду* и просит принять его в ученики. Они отправляются оба в особую комнату и преклоняют колена на ковре, не запятым прикосновением ничего нечистого. Муршид читает молитву, основой которой служат определенные телодвижения и произношение некоторых слов Корана; затем, посадив пришедшего перед собой, муршид берет его за руки и предлагает отречься от прежних грехов и воздержаться от будущих. Муршид называет при этом имена всех угодников и святых, которые после Магомета устно передавали откровение и созерцание, и, этим духовно связав своего ученика с мединским Пророком, просит его углубиться в себя так, чтобы в мыслях его ничего не оставалось, кроме мысли о Боге, а в памяти и воображении постоянно произносилось слово *Алла!* Это первая степень учения, так сказать, нравственного духовного воспитания и очищения, в котором оба лица, учитель и ученик, просиживают несколько времени. Ученик получает довольно странное название *Адамюль Маишряб* (походящий нравом на Адама), которое и возлагает на него обязанность в продолжение 120 дней ежедневно приходиться к своему учителю для созерцаний. Затем ученик проходит еще четыре степени очищения, употребляя для каждой по 40 дней, и тогда он походит нравом постепенно на пророков-законодателей: Адама, Авраама, Моисея, Иисуса и Магомета.

По мнению мусульман, не все пророки в равной степени содействовали образованию человечества. Только пять из них, имена которых мы только что привели, могут быть названы истинными представителями различных степеней развития человечества: первые четверо — прошедших и современных им, а последний — прошедшего и будущего. Поэтому для нравственного воспитания мурида и необходимо пройти все эти пять степеней.

Когда все это пройдено, тогда следуют приемы созерцаний. «Муршид приказывает муриду затаить дыхание в нижней части желудка и, произнося там мысленно слово *ля*, возводить постепенно дыхание, с удержанием окончательного звука *я* произнесенного слова, до вершины головы, откуда, направив дыхание в правое плечо, произнести там *илляхи*, и оттуда, сосредоточив его в сердце, произнести этим органом окончательные два слова символа *иль-Алла*. Процесс этот повторяется до 21 раза. Непосредственно после перевода дыхания он произносит языком славословие: *Мухаммед пророк Бога,*

да будет над ним и над потомками Его милость всевышнего Бога и поклонение» и присовокупляет слова: «*О, Боже! Ты желание мое и довольство мое*». Затем опять приступает к затаиванию дыхания и должен в течение суток повторить это действие до 500 раз. В этом-то, собственно, и заключается посвящение в таинство тариката.

Название *муршида* и *мурида* впервые явилось среди отшельников и последователей тариката. На мусульманском востоке имена муридов носило первоначально только монашеское сословие, но впоследствии явились и частные муриды, число которых постепенно увеличивалось. Люди, достигнув более или менее высокого знания тариката и не принадлежа ни к какому монашескому ордену, имели своих последователей или учеников, называвшихся также муридами и не имевших никакой другой цели, кроме *преданности своему духовному воспитателю*.

С таким миролюбивым направлением тарикат, и вообще муридизм, появился и в Дагестане. Существовая здесь номинально, он не имел никакого политического характера до тех пор, пока не явились люди, соединившие в себе духовную власть по шариату и тарикат, решившиеся действовать при помощи фанатизма на своих учеников или муридов и посылавшие к ним *да'ват* или приглашение на *джихад*.

Положив в основание своей проповеди исключительно политическую цель, *войну за веру*, предводители горцев, поднявшие знамя восстания, для большего успеха старались действовать на народ при посредстве религиозного суеверия. Сохранив название *муридизма* и продолжая называть последователей своего учения *муридами*, они стали проповедовать, что для чистоты религии необходим *газават* (священная война) против поработителей веры, что за потери и лишения, испытанные в здешней конечной жизни (дунья), правоверных ожидают наслаждения и блаженство в будущей (ахират).

Такие проповеди и последующие события совершенно извратили учение о муридизме в Дагестане, и оно явилось там в новом, своеобразном виде. Предоставляя себе право изложить в историческом труде постепенное развитие тех начал, на которых существовал дагестанский муридизм, я остановлюсь здесь только на характере и особенностях его последователей и на их деятельности, вызываемой борьбой с русскими.

Истинные фанатики Чечни и Дагестана, или так называемые муриды, никогда не расстаются с религиозными атрибутами, сохранение которых на себе считают делом праведным и угодным Богу.

Таковыми принадлежностями у мусульман считаются: чалма на голове или тюрбан (амамед), зубочистка (сивак), род нашей бритвенной кисти, с лошадиными волосами, опраренными в ручку или из дерева *арак*, растущего в Аравии, или в косточку от гусяной ножки, и, наконец, серебряное или

медное кольцо, носимое на мизинце правой руки. По понятиям таких лиц, совершение одного намаза (молитвы) в чалме равняется 25 намазам без нее, а с употреблением в дело зубочистки и кольца — 60-ти намазам.

Приобретение кольцом столь большого почета основано на легенде, существующей у мусульман. Однажды в Египте (Миссири) во время молитвы Магомета в поле приползла к нему змея, преследуемая кошкой, и стала умолять Пророка спасти ее за пазухой от угрожавшей опасности. Пророк исполнил ее просьбу, но змея, не считая себя безопасною за пазухой Магомета, просила его снова скрыть ее в своих внутренностях на самое короткое время.

Пророк открыл свой рот, и змея исчезла. Преследовавшая змею кошка, увидев себя лишенной добычи, удалилась в кусты; тогда Пророк предложил змее выйти из данного ей убежища. Змея за гостеприимство отплатила изменой и соглашалась выйти на свет только тогда, когда великий человек даст ей полакомиться одним из любимейших членов своего тела. Магомет подал ей на съедение мизинец правой руки. Змея, высунув свою голову и половину туловища изо рта Пророка, впилась в его мизинец, как вдруг из-за куста бросилась кошка, ухватила змею своими лапками и, вытащив ее на землю, уничтожила. В изъявление благодарности Пророк погладил своей рукой кошку, отчего та получила способность никогда не падать с высоты на спину, а всегда на ноги, а изрезанный свой палец украсил колечком, которое и не снимал до самой своей смерти. Оттого и мусульмане ношение подобного колечка считают делом священным.

Отличительные качества дагестанского мурида есть ханжество, хитрость, притворство и шарлатанство. мурида легко отличить от прочих мусульман по следующим признакам: мурид не пропустит ни одного намаза и сделает их больше, чем положено; носит карманные часы, преимущественно медные; никогда не расстается с четками, зубочисткой и колечком; если не находится в присутствии христианина, то надевает для молитвы чалму; в присутствии гяура всегда шепчет молитву; боится табачного дыма; избегает присутствия и встречи с христианскими женщинами, а своих жен держит взаперти и под покрывалом; не пьет чаю с сахаром, не носит золотых вещей, не надевает европейского платья; красит бороду только тогда, когда предстоит случай бить христиан. В установленное время для намазов своим криком призывает правоверных к молитве и проч.

«Мурида, приходящего к учителю, — говорит Ханыков, — спрашивают только о знании закона и о решимости его отречься от грехов, а далее он возвышается единственно по мере его развития нравственных совершенств; следовательно, ни ум, в светском значении этого слова, ни богатство, ни рождение не имеют никакого значения у последователей тариката, так что простолюдин, очистивший сердце свое постом и молитвой и достигший

последних степеней нравственного образования, стоит несравненно выше одаренного всеми благами вельможи, который, признав их ничтожество, прибегает к муршиду с просьбою о наставлении в тарикате... Гораздо важнее, по последствиям своим, другое коренное правило муридизма — это привязанность учеников к учителю, которая должна быть так сильна, что они обязаны не только исполнять волю муршида, но даже стараться предупредить его желания, прежде чем он выскажет их, понимая потаенные помыслы его искренно любящим сердцем».

Таким образом, в основании муридизма лежат два важных условия: одно чисто демократическое, позволяющее людям хитрым, ловким и весьма часто руководимым единственно лишь своекорыстными видами, возвышаться до важных степеней силы и значения; другое же дает средство умным и властолюбивыми муршидам руководить массой своих учеников-муридов и направлять их действия к достижению своих личных целей и стремлений.

Последнего тем легче достигнуть, что в основании муридизма лежит неразрывная духовная связь между муршидом (учителем) и муридом (учеником). Связь эта настолько сильна, что воля первого составляет закон для второго. В этом-то отношении распространение муридизма на Кавказе и было опасно для нас, потому что муршид соединял всех муридов в одно общество, возбуждал их на разные подвиги для чистоты религии и преимущественно на войну против врагов исламизма.

Истинный мурид должен быть грамотный, знать и другие священные книги, но у Шамиля большая часть муридов были неграмотны. Все муриды имели особую чалму, не курили, не пили водки и вина, но, воюя с русскими, они не имели времени строго соблюдать учение, а оттого являлись не монашествующим орденом или сектой, а толпой вольницы, действовавшей по указанию предводителя.

Таким образом, муридизм, со времени восстания в Дагестане, получил исключительно политическое направление, согласное с видами предводителей этого восстания. Явилось два сорта последователей муридизма, совершенно противоположных по духу и деятельности, из которых одних можно назвать муридами *по тарикату*, а других — *наибскими муридами*. Первые посвящали свою жизнь исключительно изучению тариката, разрывали все свои связи с внешним миром, удалялись от всего, что могло им напоминать житейскую суету, и в особенности избегали всяких неприятных действий, а следовательно, и войны.

Вторые же, или наибские муриды, были слепыми исполнителями воли начальства. Звание наибского мурида мог получить только тот, кто был лично известен наibu или тому обществу, к которому принадлежал мурид. От такого мурида не требовалось ни особенной религиозности, ни глубо-

кого познания книжной мудрости; достаточно было того, если они плохо разбирали Коран; но зато требовалось твердое убеждение в необходимости священной войны, или газавата, отсутствие физических пороков и недостатков, которые бы могли ему препятствовать владеть оружием, и, более всего, строгое повиновение своему наибу, «как бы ни были бесчеловечны и нелепы его приказания».

Все, что необходимо было для существования и участия в войне, как-то: лошадь, оружие, одежду, если он в ней нуждался, мурид получал от наиба; часто и все его семейство находилось на наибском содержании. «Такие условия, — пишет А. Руновский со слов Шамиля, — служили верной приманкой для людей, которым нечего было есть или нечего было терять. Впрочем, и богатые люди шли в муриды, и чуть ли не с еще большею охотой, увлекаемые честолюбием: служба муридов считалась самой почетной в крае, и муриды, особенно состоявшие лично при Шамиле, если не пользовались особенной любовью, то одним видом своим внушали страх всякому».

Имея во главе политическую цель, Шамиль успел достигнуть того, что муриды присягали на Коране: забыть узы родства, не щадить своих близких родственников, а свято и беспрекословно исполнять волю повелителя. муриды были единственною поддержкой Шамиля; через них он уничтожал вредных для себя людей тем более легко и удобно, что мурид, убивший кого-либо, не имел *канлы* (кровомщения). Он был под защитой Шамиля и в полной его зависимости, а следовательно, в такой же зависимости было и все его семейство¹. В лице своих муридов Шамиль имел под рукой у себя и у ближайших своих помощников людей совершенно преданных, всегда готовых к безотлагательному исполнению мер, требуемых тогдашним исключительным положением страны и разнообразием ее населения.

Из всего сказанного видно, что учение муридизма в Дагестане приняло совершенно противоположное направление, чем в остальном мусульманском мире. Там последователь муридизма избегал войны и заявлял свое отвращение от всякого сорта бранных тревог, а в Дагестане, напротив, война была священным долгом каждого наибского мурида и исключительным его занятием.

Оттого-то истинные последователи тариката не пользовались в Дагестане особой популярностью. Правда, их уважали как людей, ведущих богоугодную жизнь, как ученых, постигших сферу религиозных истин, но считали их людьми совершенно бесполезными, лентяями и отчасти трусами.

¹ *Мирза Казем-бек А.* Муридизм и Шамиль // Русское слово. 1859. № 12; *Ханыков Н. В.* О муридах и муридизме // Кавказ. 1849. № 15; *Руновский А.* Муридизм и газават в Дагестане // Русский вестник. 1862. № 12; *Пржецлавский П.* Дагестан, его нравы и обычаи // Вестник Европы. 1867. Т. III; *Он же.* Кольцо как атрибут фанатизма мусульман // Кавказ. 1862. № 93.

Истинное учение тариката прямо противоречило воинственным наклонностям независимого дагестанского народа, и в особенности его предводителей, а потому последние смотрели недоброжелательно на проповедников тариката, как на личных своих врагов и людей, отвлекающих от их воинственных знамен целые сотни способных людей.

Отсутствие грамотности и знаний делало народ слепым орудием проповедников религии, которые успели развить в муридах религиозный фанатизм, появляющийся всегда там, где люди не имеют точного и определенного понятия о своей религии.

Чтобы поднять еще более муридизм в глазах народа, Шамиль установил особые правила, по которым весь народ носил чалмы как символ муридизма: муллы носили зеленые чалмы; наибы, управлявшие обществами, — желтые; сотенные начальники — пестрые; чауши (глашатаи) — красные; гаджи, или лица, бывшие в Мекке — коричневые; палачи и фискалы — черные, а все остальные жители — белые.

С покорением Чечни и Дагестана русское правительство разрешило носить чалмы только тем, кто был в Мекке.

Эти наружные признаки, служившие, так сказать, вывеской степени религиозности каждого из подвластных Шамиля, не делали их, по убеждению, истинными мусульманами. Как чеченцы, так и жители Дагестана, о которых сказано ниже, учение Пророка и слова Корана далеко не соблюдали во всей точности. Только самые ярые муриды строго держались внешней и обрядовой стороны учения; остальное население даже и в этом не следовало их примеру. Само чеченское духовенство готово было толковать Коран и вкривь, и вкось. Если мулла видел легкий способ поживиться на счет суеверия его духовного сына, то он считал возможным такие вещи, которые вчера признавал святотатственными, или, по крайней мере, противными действию истинного мусульманина.

Мусульманскому духовенству, по смыслу самого Корана, предоставлено не только высокое значение и почетное место в обществе, но даже и власть гражданская, дающая им средство иметь большое значение в общественном управлении.

Верховный правитель многих мусульманских народов есть вместе с тем и глава духовенства. По завещанию Магомета, суд и расправа между правоверными должны производиться по шариату, т. е. согласно тем правилам и постановлениям, которые изложены в Коране на всевозможные случаи преступлений. Толкователем этих постановлений было духовенство, производившее часто разбирательство и постановлявшее приговор. Отсюда и происходило то значение и важность, которым пользовалось и пользуется везде магометанское духовенство, стоящее по своему образованию выше всех

Часть II

Сванеты (шаны)

Глава I

Краткий топографический очерк местности. — Несколько слов об экономическом быте сванетов. — Разделение страны на дадиановскую, княжескую и вольную. — Сословия, существовавшие у сванет. — Народное управление. — Юридическое устройство и суд.

По соседству с абхазским племенем и на восток от него, в верховьях реки Ингур и ее притоков, поселились сванеты, народ до сих пор еще малоизвестный по крайней ограниченности сообщенных о нем этнографических сведений.

Сванеты сами себя называют *шан*, а страну, ими населенную, *Шванар*.

Глубокая котловина Сванетии ограничена: с севера Главным Кавказским хребтом, от горы Балтыкая до Адырса; к востоку тем же хребтом, от Адырса до горы Паси-мта, а к западу хребтом гор, разделяющим воды реки Ингур от реки Кодор.

Сванетия составляет, так сказать, ключ системы вод, вливающих в Черное море. Из ребер ее гор вытекают Рион, Ингур, Цхенис-Цхали — главные реки восточного бассейна Черного моря.

Горы, замкнувшие Сванетию со всех сторон, отделяют ее на севере и востоке от карачаевцев, кабардинцев и осетин; с запада — от Абхазии, а с юга — от Мингрелии. Собственно границей между Мингрелией и Сванетией служит река Еци, впадающая в 15 верстах от Джавар в Ингур с правой стороны.

Часть сванетов, поселившихся в верховьях реки Цхенис-Цхали и бывших прежде подвластными владетелям Мингрелии, называются *Дадиановской*

Сванетией. Остальное население, разместившееся по верховьям Ингура и многочисленным его притокам, разделяется на *Вольную* и *Княжескую* Сванетию.

Страна эта есть одна из самых возвышенных мест, обитаемых в горах Кавказа, и представляет собой ущелье, обнесенное со всех сторон горами и простирающееся в длину до 110, а в ширину до 50 верст, с населением до 11 тысяч душ жителей.

В самом низу ущелья, по всему его протяжению, протекает река Ингур, принимающая в себя до 17 с правой и до 14 с левой стороны больших и малых притоков, то картинно падающих с отвесных и высоких скал, то бешено пробивающих сердце гор и вырывающихся из ущелий, образуемых хребтами.

Характер самого Ингурского ущелья не похож на другие ущелья Кавказа. Протянувшись на 75 верст, оно образует проход не более как от 5 до 10 сажень шириной, где у самых берегов реки поднимаются отвесные скалы самого сурового вида, возвышающиеся над Ингуром на 100 и на 200 сажень.

Суровость скал и самого ущелья иногда сменяется разнообразными видами богатой растительности на небольших полянках, попадающихся при впадении в Ингур его притоков. Здесь растет мелколиственная пальма, каштан, стройный бук и высоко подымающиеся хвойные породы леса, а под ними приютились рододендрон, остролист и т. п.

По всему протяжению реки Ингур нет ни одного брода. Течение его грозно, быстро, и воды его мутны; он то пенится, то клубится по сжатому руслу, задерживаясь на каждом шагу огромными массами сваливающихся скал, падение которых отдается выстрелом по окрестным горам.

Замкнутая в котловине Кавказского хребта Сванетия считается одним из самых диких мест Кавказа как в топографическом отношении, так и относительно нравов ее жителей. В топографическом отношении Сванетия занимает центральное положение в Западном Кавказе, до того изолированное, замкнутое, что страна эта представляется как бы уединенным островом среди целого океана гор. Такая замкнутость имела и имеет большое влияние на характер, нравы и обычаи народа. Сванет так же недоступен и дик, как недоступна и дика природа, его окружающая. Доступ в нее возможен только в течение короткого лета и почти прекращается в течение продолжительной зимы.

В Сванетию можно проникнуть со стороны Мингрелии и со стороны Кабарды. Две дороги, ведущие от Мингрелии, весьма неудобны и трудны, а с октября по май вовсе не проходимы даже и для пешеходов. Со стороны Кабарды идут в Сванетию также две дороги: одна от карачаевцев, а другая от чегемцев; обе они хоть и затруднительные, но проходимые во всякое время года.

Мингрельская дорога на протяжении более ста верст не только не имеет жилья, но тропа ее то и дело теряется то в быстрых водах Ингура, то перед

скалами, то в пропастях. «Часто один только корень дерева служит сообщением через бездонную расщелину, часто только ловкость, сила и опытность проводников могут поднять путника на отвесный утес, а там, на вершине гор, вьюга, метель могут погубить и схоронить его в глубоких снегах, неожиданно наносимых ветром.

Крутые скаты гор, покрытые снегом, предоставляют очень часто возможность спуститься только одним способом, хотя и общеупотребительным на Кавказе, но тем не менее крайне опасным. Проводники складывают вчетверо свои бурки, кладут их на снег, садятся на них сами и, протянув ноги в виде дышла, спускают таким образом путешественников.

Случается пробираться по берегам рек там, где горы обрываются так отвесно, что ни идти по ним, ни обойти их нет никакой возможности, и тогда, по необходимости, пробираются возле самых пенящихся волн реки. При высокой воде и этот путь невозможен; тропа, имеющая ширину одного фута, покрывается тогда водой.

Путнику часто приходится то пробираться через густые леса, то подниматься тысяч на девять футов над поверхностью моря, в такие места, где прекращается растительность, то спускаться на три тысячи футов в боковые теснины. Надо много навыка и верный глаз, чтобы не запутаться в лабиринте гор; необходима привычка, чтобы двигаться по карнизам скал, висящих над бездной, спускаться по обрывистым и почти отвесным ребрам гор, переправляться через клокучие потоки и спускаться несколько саженей на железных крючьях, держась за веревку. Переправы через реку совершаются по первобытным туземным мостам: несколько перекладин, перевитых дырявым плетнем, составляют мост, не имеющий перил. Несмотря на то что подобные мосты качаются от всякой тяжести и что часто перекинуты над бездной, они до такой степени эластичны и прочны, что наши войска переправлялись по ним с обозами и артиллерией.

Непогоды в горах производят ужасное действие. С появлением туч грозовые удары, непрерывно повторяемые ущельями, потрясают горы своими раскатами; гроза набегает мгновенно; молния, рассекая воздух по разным направлениям, ударяет в стоящую на вершине огромную одинокую сосну, или раскалывает ее вдребезги, или охватывает пламенем»¹.

В климатическом отношении долина Ингура и притоки Цхенис-Цхали чрезвычайно различны. В последней растет хлеб, всякого рода фруктовые деревья, виноград в изобилии, клен, чинар, дикая черешня, каштаны, яблоки

¹ Сванетия из записок князя Шаховского и Немировича-Данченко // Кавказ. 1846. № 44; *Бокрадзе Д.* Сванетия // Там же. 1861. № 1; Сванетия // Там же. 1858. № 2; *Бартоломей И.* Поездка в Вольную Сванетию // Записки Кавк. отд. Императорского Русского географического общества. Книга III.

и груши. Густые леса этой местности обвиты хмелем, плющом и представляют во многих местах, в особенности по берегам рек, великолепные, почти девственные леса, по которым сванет пробирается с топором в руке. По скатам гор находятся отличные пастбища, прерываемые во многих местах стройным лесом.

Продвигаясь по долине Ингура, по мере поднятия, чем ближе к Эльбрусу, тем климат и сама местность делаются более суровыми. Здесь уже не видно винограда; кроме диких яблок и груш, другие фрукты неизвестны; сосна, ель и мелкая корявая береза составляют одни все леса, которые тянутся по скатам гор и в ущельях. Берега Ингура покрыты тощим кустарником и изредка лиственным лесом, орешником, дубом и липой.

В самых возвышенных местах пшеница не растет везде, и во многих селениях жители сеют один ячмень.

К обработке полей приступают не ранее июня, потому что только к этому времени кончается таяние снега. Так, в селении Жибиани с 15 июня начинается сенокос, а начало жатвы бывает не ранее сентября. Здесь сеют исключительно ячмень и большей частью не ожидают его зрелости, а чтобы он созрел, кладут в овины и не молотят до тех пор, пока он хорошенько не промерзнет. Посевы ржи в самой верхней долине Ингура попадаются редко, а огородной зелени совершенно нет. Ниже впадения в Ингур речки Квириши и Местия-джалай, в обществе Местия, рожь уже начинает преобладать перед прочими посевами, и появляется просо.

Вообще Дадиановская Сванетия, лежащая не выше трех тысяч футов над поверхностью моря, пользуется умеренным климатом; жители ее смуглы, и черты лица их мягки. В Вольной Сванетии климат суров, зима настает нередко в половине октября, и жители ее большей частью белокуры, с суровыми чертами лица. Впрочем, в Сванетии, как и во всякой горной стране, много климатических особенностей, в зависимости от которых находится и земледелие ее жителей. Склонные к земледелию сванеты содержат свои поля очень чисто, и в них плевела попадают весьма редко.

Сванетия более населена и лучше обработана, чем многие из горских владений. Ничтожность промышленности заставила народ обратиться к единственному источнику пропитания и богатства — хлебопашеству, и надо сказать, что труд землевладельца вознаграждается достаточно. В течение пяти весенних, летних и осенних месяцев сванеты некоторых обществ успевают два раза косить сено; в августе убирают хлеб, а в сентябре сеют озимую пшеницу.

Здесь земледелие составляет главное богатство жителей. Земли у них достаточно, и каждый, имея свой участок, может продать его не иначе, как с согласия родственников. Иногда владелец, отдавая свою землю в аренду, пользуется половиной урожая.

Неудобство сбыта хлеба и лень заставляют каждого домохозяина сеять столько, сколько нужно для пропитания семейства, тем более что большая часть пашни доступна только для пешехода, и то с трудом. Пашни обрабатываются не плугом, а кирками; сенокосные места орошаются водопроводами. Перевозка дров, хлеба и сена совершается летом и зимой на полозьях. Несмотря на тучность и обилие лугов, скота мало, потому что для домохозяина весьма затруднительно содержать его в течение продолжительной и суровой зимы. Скотом их снабжают Мингрелия и кавказские народы, обитающие по северному скату Главного хребта.

Сами сванеты содержат стадо коз, но незначительные стада их рогатого скота отличаются хорошим качеством и ростом. Лошадей очень мало. Во всей Вольной Сванетии, по показанию Бартоломея, считалось от 12 до 20 лошадей. Лошадей туземцам заменяют волю, которые запрягаются в сани и зимой, и летом; в Вольной Сванетии не знают о существовании колеса.

Лесом владеют каждый порознь, и никто не может пользоваться чужим участком без согласия на то хозяина; за право пользования им платится десятая часть. В лесах очень много дикого меда; возвышенности гор наполнены турами и дикими козами, а реки изобилуют рыбой, в особенности форелью, но о рыболовстве сванеты не имеют понятия.

Вся торговля их находится в руках евреев-лахамульцев, живущих в числе 50 дворов в Княжеской Сванетии. Несмотря на то что лахамульцы исповедуют христианскую религию, говорят местным языком и имеют попов, сванеты ненавидят их, не имеют с ними сообщения, и никто не станет есть не только вместе с лахамульцем, но не будет есть даже мяса от зарезанной им скотины.

Сами сванеты занимаются торговлей очень мало: накупив ситца, бумажных материй и прочих изделий, сванет несет их на себе на северную сторону гор, в Карачай, Урусний, Чегем и Хулам, где продает или выменивает на войлоки, бурки и черкески. Все это тащит обратно в Лечгум на продажу и на вырученные деньги покупает себе в Мингрелии одежду, соль, железо, медь, перец, серебряную монету, табак и проч.

Собственные местные произведения сванета отличаются грубостью и не изяществом рисунка. Изготовленные ими, например, корзины из березовой коры имеют самые грубые формы.

Сванет крайне ленив, оттого и беден.

Во многих обществах земля производительна, и при небольшом трудолюбии и малых потребностях туземца он мог бы иметь все, в чем нуждается, но сванет предпочитает праздность труду и, работая только в течение весны и короткого лета, обращает зиму в непрерывный праздник. Кроме того, жители под страхом штрафа не работают в течение трех дней недели: пятницу, субботу и воскресенье, и точно так же не работают во все церковные праздники.

Сванетия разделяется, как мы сказали, на *Дадиановскую*, *Княжескую* и *Вольную*.

Почти все население Дадиановской Сванетии расположено по течению верхнего Цхенис-Цхали и сосредоточено в трех деревнях: Лентехи, Чолури и Лашкети. К ним присоединяется еще небольшая деревушка Холета, имеющая около 20 домов, поселенных на левом берегу реки Хеледулы, верстах в пяти от Лентехи.

Слово «деревня» в Сванетии имеет совершенно другое значение, чем у нас; оно почти всегда обозначает совокупность нескольких деревушек, от пяти до двадцати домов вместе, разбросанных на пространстве нескольких верст. Так что слово «деревня» гораздо правильнее заменить названием *общество*.

Лентехи составляли прежде собственность самого Дадиана; *Чолури* — Горобхазовых, а *Лашкети* — князей Гелуани. Оба последние находились под властью владетеля Мингрелии. Дадиановская Сванетия разделилась на две части, причисленные к двум лечгумским округам, и управлялась начальниками, поставленными владетелем Мингрелии.

Дадишкелиановская, или так называемая *Княжеская*, Сванетия ограничена: с севера и северо-востока землями карачаевцев и цебельдинцев, к юго-западу Абхазией, Самурзаканью и Мингрелией; к юго-востоку Мингрелией и Дадиановской Сванетией. Кроме пяти деревень с населением не более 40 домов, расположенных в долине Цхмари, все остальное народонаселение Княжеской Сванетии поселилось на правом берегу реки Ингур, у подошвы Кавказского хребта, по склону узких террас, разделенных друг от друга глубокими оврагами, спускающимися к Ингуру. Эта часть Сванетии в пятидесятых годах принадлежала двум князьям Дадишкелиани: Константину и Николаю, и состоит из пяти обществ: *Чубу-хеви* (6 деревень с 625 дворами), *Пари* (8 деревень с 643 дворами), *Ецери* (13 деревень с 83 дворами), *Цхомари* (6 деревень с 38 дворами) и *Бечо* (9 деревень с 56 дворами). Каждое общество, как видно, состоит из нескольких деревень и отделяется одно от другого естественными границами, то есть перевалом или оврагом.

Восточнее Княжеской Сванетии находится *Вольная Сванетия*, состоящая из 11 обществ, расположенных по течению реки Ингур, отчасти по реке Мульхре и их притокам. Начиная с восточной стороны, до самой Княжеской Сванетии общества эти расположены в следующем порядке: общество *Ушкуль*, состоящее из четырех деревень с 67 дворами и с населением, слишком перемешанным с имеретинами; *Адъшское* — из одной деревни с 14 дворами; *Кальское* — из шести деревень с 50 дворами; *Ипарское* — три деревни с 63 дворами; *Црюмское* — из шести деревень с 28 дворами; *Эльское* — из трех деревень с 11 дворами. Севернее этих обществ, в долине реки Мульхре,

Соблюдение товарищества, так называемого *диб-алар* (выражение клятвы — обречение), при действии против неприятеля считается у тушин первой и главной обязанностью. Товарищи не покидают друг друга, даже если бы стоило им жизни. Для доказательства братской любви и верности товарищи в самую решительную и горячую минуту сражения связывают друг другу полы платья или, взявшись за руки, бросаются вместе на врага. Нарушивший этот обычай подвергается всеобщему презрению. Тушины никогда не оставляют труп своего соотечественника в руках неприятеля — у них считается это точно таким же бесчестием, как покинуть живого. Убитого в бегстве от неприятеля не оплакивают и не изъявляют своего сожаления его родным¹.

Глава 2

Религия, обряды, капища и юридическое устройство тушин, пшавов и хевсур.

Трудно уверить хевсура в том, что Бог один. По его понятию, есть Бог востока и Бог запада; есть Бог душ, Христос Бог, большой Бог и маленький Бог. Народ более всего уважает Бога войны и сына Божия, но никто не может объяснить истинных догматов своей религии. Постороннему человеку определить религию этих народов еще труднее. Уважая крест Господень, поклонившись святому Георгию, апостолам Петру и Павлу и другим святым христианской церкви, они в то же время почитают своих собственных, ими изобретенных богов.

Тушины исповедуют христианскую веру греко-восточной церкви. Водворение здесь христианской религии надо отнести к незапамтным временам царствования первых христианских царей Грузии. Впоследствии учение Магомета имело сильное влияние и на судьбу веры в Тушетии. Для защиты христианства тушины должны были вести беспрестанную борьбу с мусульманскими горцами, и хотя с твердостью и успехом отстаивали свою независимость, но воинственный звук оружия стал заглушать голос проповедников Евангелия. Духовенство грузинское не в состоянии было поддержать падающее христианство, и в особенности когда прекратилось сообщение с Тушетией, окруженной врагами. В Тушетии не стало священников, богослужение прекратилось, церкви обветшали и рушились, а сами тушины представляли собою осиротевших христиан, без наставников религии, как стадо, лишенное пастыря.

Народ, потеряв истинную нить религии, создавал свою собственную. Взамен развалившихся церквей тушины строили на развалинах их жертвен-

¹ Цискаров И. Записки о Тушетии // Кавказ. 1849. № 11.

ники в честь тех же святых, которым были воздвигнуты храмы. Но для такого нового жертвенника необходимо было, по мнению народа, принести какой-нибудь знак — *ниши* — образ, крест или камень от церкви, находящейся в Грузии, в Пшавии или Хевсуретии и воздвигнутой в честь того святого, которому сооружался жертвенник. Кроме образов, крестов, церковных сосудов и множества других подобных вещей, сохранившихся при жертвенниках, в честь каждого святого приготавливались священные знамена, состоявшие по большей части из пики, обвешанной разноцветными лоскутами материи, а иногда и колокольчиками.

Хевсур, пшавов и тушин нельзя назвать язычниками, потому что они веруют в истинного Бога и его святых; но их нельзя назвать и христианами, потому что они слишком далеки от догматов христианской церкви. Сами себя они называют христианами, а всех иноверцев считают басурманами и обижаются, если назвать их нехристианами.

У них есть великий пост, но его соблюдают большей частью только одни мужчины; женщины едят в это время масло и сыр.

Рождественский пост соблюдают в течение двух недель и так строго, что ничего не едят, кроме хлеба¹.

В веровании этого народа видны одновременно оттенки христианства, магометанства, талмудизма и язычества. Народ создал себе ангелов-покровителей, которых также почитает. Так, у хевсур существует мать земли (*адгиллис-деда*), ангел дуба (*мухис-ангелози*), ангел горы (*горис-ангелози*), ангел имущества (*унджис-ангелози*), большая гора (*дид-гори*), белый Георгий (*тетри Георгий*), сосед дверей (*карис-мезобели*) и проч.².

В Хевсуретии был древний дуб, известный под именем *Багратиона*. Народ считал его священным, и если кто из рода Багратионов уходил к ним и, обняв дуб, произносил: «Предок мой, защити своего потомка», то народ всеми силами обязан был защищать его³.

Пшавы точно так же поклонялись нередко деревьям, имели священную рощу и другие места, считаемые ими святыми. Увековечив древний дуб, к которому никто не смел прикасаться, и назвав его *ангельским* дубом, пшавы были уверены, что в нем живет их ангел-хранитель.

Питая весьма мало уважения к ангелам-хранителям, созданным хевсурами, пшавы имели своих собственных богов. *Лашарис джвари* (крест грузин-

¹ Зиссерман А. Очерки Хевсурии // Кавказ. 1851. № 23.

² Бутков П. Г. (рукопись). Записки; Зиссерман А. Очерки Хевсурии // Там же. 1851. № 23; Эрстов Р. Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурском округе // Там же. 1854. № 45.

³ Тучков С. (рукопись). Записки // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба.

ского царя Георгия Лаша) и *Томарь мете́* (царица Тамара) почитались ими за святых, которым пшавы приносили жертвы.

Такая смесь верований не мешала, однако же, тушинам, пшавам и хевсурам самим по себе быть уверенными, что исповедуют христианскую религию и принадлежат к греческой церкви. Из грузинских церквей в прежнее время им посылался ежегодно под видом мира обыкновенный елей, который они употребляли, по обрядам своим, при крещении. Младенца, умершего до крещения, поливали в гробу елеем и окропляли святой водой. Все три поколения верили в существование рая и ада и содержали несколько постов в году.

Вообще верования их были весьма неопределенны и шатки. Так, в тридцатых годах настоящего столетия у тушин явился какой-то бродяга и уверил их, что он выходец с того света; рассказывал о житье-бытье их умерших родственников и утверждал, что кто в здешнем свете постился, тот и на том свете лишен права есть скоромное. Это послужило поводом к тому, что многие тушины перестали почитать посты.

Царь грузинский Иракий II желал восстановить у этих народов православную веру, но желания и усилия его остались напрасными.

Собранные в совет по этому вопросу представители всех трех поколений отклонили намерение грузинского царя.

— Если мы, — говорили они, — при теперешнем богослужении тверды в повиновении и верности царю, то чего желать тебе более?

В 1801 году у тушин было три священника из их же поколения и греческого закона. Священники эти по приказанию Иракия II были с детства воспитаны в правилах христианской религии, потом посвящены в иереи и отправлены в Тушетию, но они не имели никакого успеха между своими соотчичами.

Пшавы, как мы сказали, признавали за высшую святыню единственный крест, подаренный им царем Георгием Лашем¹. Крест этот, называемый *лашарис джвари* (то есть Лашев крест), состоял из дерева. «Время, — говорит Бутков, — изгладило бывшее на нем изображение, но он как пшавами, так равно хевсурами и тушинами весьма уважается». Прикасаться к нему никто не мог, кроме фамилии Багратионов, которая, по народному поверью, происходила по прямой линии от библейского царя Давида.

В известный день, обыкновенно в июне, все три поколения собирались к развалинам церкви, построенной тем же царем Георгием Лашем (около 1200 года, как говорит предание) и находящейся неподалеку от Тионет, за селением Джавлеби, у подножия горы Ахади.

¹ Георгий Лаша означает губастый Георгий; он царствовал в XI и XII столетиях и был сыном царицы Тамары. По сказаниям других, какой-то монах Латини в этом месте обращал народ в христианство, оставил крест, и в честь него установлен праздник.

В память Лаша приносили в жертву баранов. Заколов баранов, сжигали на огне их внутренности, разрезали мясо их на куски и раздавали народу. Потом точно так же закалывали козла, в память борзой собаки того же царя, по преданиям, в их земле зарытой¹.

Так созданные у каждого народа верования отражаются на его обрядах. Все три поколения не едят заячьего мяса, точно так же как не едят его армяне. Подобно евреям, празднуют субботу и, сверх того, пятницу, воскресенье и понедельник. Подражая магометанам, не едят свинины, бреют голову и придерживаются многоженства, но магометан ненавидят и презирают².

Смешанность верований, неопределенность религии требовали создания особых служителей веры, которые, как у всякого младенствующего народа, пользуясь властью духовной, присвоили себе и светскую. Тринадцать хевсурских фамилий имели (в 1800 г.) четырех *деканозов* (протопопов), то есть служителей веры и предводителей народа в его войнах³. Пшавы имели также четырех деканозов.

Деканоз собственно значит монах ущелья, жрец и служитель капища. Он закалывает приводимый на жертву скот и исполняет обряд венчания; он же смотрит и за священными знаменами.

Каждый желающий носить это звание притворяется больным и затем говорит, что видел во сне святого, который объявил ему, что может выздороветь только тогда, когда посвятит себя в деканозы к такому-то капищу. Собрав к этому капищу нескольких деканозов, он приводит туда же корову, закалывает ее и, угощая своих будущих товарищей, дает клятву соблюдать строго обряды религии и употреблять в пищу только одно мясо рогатого скота. После клятвы он вступает в звание деканоза, чего, впрочем достигнуть можно и без всякого притворства, простым подкупом других деканозов⁴. У тушин звание деканоза сделалось впоследствии наследственным.

Соблюдая строгую жизнь, деканозы держат себя в почтительном отдалении от народа, стараются казаться святыми и тем поддержать свое значение и силу, которой в действительности и пользуются неограниченно. Они должны соблюдать чистоту и целомудрие, не прикасаться к трупам умерших, к новорожденному в продолжение известного времени, не есть свинины и никакого другого мяса, кроме как от рогатой скотины, не употреблять в пищу кур, яиц и проч.

Деканозы уверяют народ, что в них обитает святой дух, не позволяющий им прикасаться ни к чему нечистому. В доказательство присутствия боже-

¹ Бутков П. Г. Записки.

² Эристов Р. Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурском округе // Кавказ. 1854. № 46.

³ В 1854 г. в Хевсуретии насчитывалось 52 деканоза. См.: Там же. 1854. № 44.

⁴ Там же. 1854. № 45.

ственной благодати они при стечении народа во время жертвоприношений выпускали прежде скрытых у себя голубей для убеждения легковверных, что божество присутствует в них в образе голубином¹.

Пророчество и предсказания придают им еще большее значение и силу в народе.

Народ часто просит деканоза спросить святого, какие могут случиться в течение года происшествия. Деканоз отказывается, говоря, что боится беспокоить святого. Неотступные просьбы толпы заставляют его приготовиться к предсказанию. Деканоз подходит к иконе, молится и приносит в жертву преимущественно овец. Затем начинает бесноваться, вертится, бьет себя камнем в грудь и, придя в изнеможение, падает на землю, притворяясь бесчувственным. С пеной на губах он вещает волю святого в таких общих выражениях, которые могут быть легко применяемы к каждому действительному происшествию.

Способность предсказывать будущее не принадлежит, впрочем, исключительно одним деканозам. У хевсур, пшавов и тушин есть подобно грузинам так называемые *кадаги* — проповедники, как мужского, так и женского пола. Последние отличаются наибольшим фанатическим ожесточением. Народ считает их если не совершенно святыми, то праведными. Перед пророчеством они употребляют точно такие приемы, но, не отличаясь сметливостью деканозов, кадаги в своих пророчествах произносят пустые бессвязные слова.

— Телесные! — кричит кадаги. — Исполните все мои приказания, иначе отступлюсь от вас... Слушайте — или уничтожу... Где мой золотой мяч... Сокрушу вас!.. Жертвы! Жертвы!..

Кадаги падает затем без чувств, оставляя народ в недоумении, чем он мог прогневить святого².

Деканозы, впрочем, настолько умны, что считают своей обязанностью поддерживать кадаги в глазах народа и уверять его в их святости. Легковарный, полудикий народ находится всецело в руках своих деканозов. Старший между деканозами принимал прежде название *хевисбера* и был начальником одного или нескольких селений. Избрание в эту должность происходило без особых затейливых обрядов.

В минуту кончины хевисбера тот, кто заранее решил наследовать его должность — обыкновенно из числа лиц, наиболее уважаемых обществом, — бежал к иконе, падал перед ней ниц и пророчествовал перед собравшейся изумленной толпой.

¹ Цискаров И. Записки о Тушетии // Кавказ. 1849. № 8.

² Эристов Р. Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурском округе // Там же. 1854. № 45; Цискаров И. Записки о Тушетии // Там же. 1849. № 8; Зиссерман А. Письмо из Тионет // Там же. 1848. № 6.

Предсказания продолжались до тех пор, пока народ не поверит о вдохновении его свыше, и тогда пророчествующий признавался в звании хевисбера, звании, носимом им по смерти¹.

У всех вообще хевсуров из числа хевисберов выбирался еще один верховный деканоз, обязанный следовать всегда с ними на войну, тогда как прочие деканозы только очердовались. Попечению этого главного хевисбера вверено было охранение главной священной иконы всего поколения. Икона эта была святого победоносца Георгия, которую они все без исключения боготворили и которой поклонялись².

Каждый хевисбери был судья в своем селении и, как увидим ниже, определял наказание за всякую обиду и оскорбление. За неимением в селении хевисбера обязанность судей исполняли деканозы, или старики, выбранные тяжущимися и пользующиеся уважением народа.

Кроме деканозов, у пшавов и хевсур есть *хуцесы*, также духовные особы, не имеющие, однако же, права венчать и закалывать животных, приносимых в жертву.

Они могут только хоронить покойников, от чего деканозы себя устранили. Прежде поступления в это звание *хуцес* должен выучить все молитвы, употребляемые при похоронах. Будучи безграмотны, они, по необходимости, заучивают молитвы наизусть от других, и хотя все молитвы взяты были первоначально из обрядов православной церкви, но до того искажены, что теперь их трудно узнать.

При капищах состоят: образной (*мехате*), считающийся главным и первым служителем; хоругвеносец (*медроше*) и хранитель всякого имущества (*мезандури*).

Дастури у хевсур и *мулта* у пшавов — нечто вроде старост, которые обязаны прийти за неделю до праздника к капищу и приготовить *луду* (пиво). У пшавов они постоянные сторожа капища, выбираемые на год поочередно из жителей селения.

В течение этого времени они не только не могут возвратиться домой и иметь сношения с женами, но и не смеют говорить с посторонними, ни с кем, кроме деканоза. Пища их состоит из черного хлеба и воды. Для приготовления хлеба они получают пшеницу из общественного магазина, мелют ее на мельнице, принадлежащей капищу, и затем пекут лепешки, называемые *хмиади*. Обязанные самым тщательным образом соблюдать чистоту и опрятность, они должны «отправляться раз в неделю к речке, по особой тропе, по которой никто не смеет ходить, и купаться в ней, какое бы время года ни было, какая бы погода ни стояла»³.

¹ Бутков П. Г. (рукопись). Записки // Материалы Военно-ученого архива Главного штаба.

² Тучков С. (рукопись). Записки // Там же.

³ Кавказ. 1848. № 9; Там же. 1854. № 45.

Часть II Черкесы (адиге)

Глава 1

Одежда черкеса, его жизнь и хищничество. — Черкесские деревни, дом и кунахская. — Гостеприимство и черкесский этикет. — Пища черкеса и угощение приезжего. — Обычай куначества и усыновления..... 73

Глава 2

Разделение черкесов по племенам и место, занимаемое каждым из них. — Общий краткий очерк местности, занимаемой черкесским или адигским племенем, и его экономического быта..... 94

Глава 3

Религия черкесов и их суеверие. — Суеверные обряды при лечении раненого. — Верование в существование различного рода духов. — Народные легенды. — Колдуны и ведьмы. — Гадание..... 103

Глава 4

Характер черкеса. — Черкесская женщина и ее одежда. — Свобода девушек. — Сватовство. — Пленнопродавство. — Похищение невест. — Свадебные обряды. — Музыка, пение и пляски. — Черкесские песни..... 133

Глава 5

Внутренний быт черкеса и его семейная жизнь. — Неограниченность власти мужа над женой, отца над сыном. — Положение в семье черкесской женщины. — Разводы мужа с женой. — Целомудрие женщин. — Рождение и воспитание. — Аталычество. — Похороны..... 174

Глава 6

Сословное деление черкесского народа. — Права и обязанности каждого сословия. — Борьба дворянства с зависимыми сословиями у шапсугов и потеря привилегий первыми. — Абреки..... 201

Глава 7

Гражданский и юридический быт черкесского народа. — Народное управление. — Поединок. — Кровомщение. — Суд и его устройство. — Адат и

Содержание

Предисловие.....7

Часть I

Орографическая и гидрографическая характеристика Кавказского региона

Глава 1

Орографический очерк Кавказа. — Разделение Кавказского перешейка на три части.— Очерк Предкавказья, Кавказа, Главного хребта и северного его склона. — Орография Дагестана..... 12

Глава 2

Гидрографический очерк Кавказа. — Бассейн Черного и Каспийского морей. — Характер местности, ее производительность и климатические особенности. — Гидрография Дагестана..... 28

Глава 3

Орографический очерк южного склона Главного хребта. — Орографический и гидрографический очерк Закавказья. — Характер местности, ее производительность и климатические особенности. — Несколько слов о племенах, населяющих Кавказский перешеек, и местах их поселения..... 48

Содержание

644

шариат. — Плата за кровь. — Казнь. — Размеры пени за различные преступления. — Права собственности. — Наследство. — Народные собрания и цель их..... 225

Глава 8

Военная организация и военные действия черкесов и убыхов..... 251

Часть III

Ногайцы

Глава 1

Разделение ногайцев на отдельные поколения, а по образу жизни на оседлых и кочевых. — Место, занимаемое ногайцами, и характер земель, им принадлежащих. — Экономический быт ногайцев. — Сословное деление. — Управление. — Наружный вид и характер. — Гостеприимство, пища и одежда. — Дом ногайца. — Ногайская женщина и положение ее в семье..... 269

Глава 2

Религия ногайцев и их суеверие. — Праздники. — Народные увеселения: борьба и танцы. — Свадьба, рождение и похороны. — Ногайские песни. ... 280

Часть IV

Осетины (ироны)

Глава 1

Место, занимаемое осетинами, и разделение их на общества. — Характеристика осетина и его экономический быт. 290

Глава 2

Осетинский аул. — Дом осетина. — Одежда. — Религия и праздники. — Знахари и знахарки. — Талисманы. — Колдовство. — Суеверие. — Легенды. ...296

Глава 3

Свадебные обряды осетин. — Пища. — Семейный быт. — Рождение и похороны. — Хвалебные песни и импровизация. 336

Содержание

645

Глава 4

Народное управление. — Происхождение сословий и их права. — Кровомщение. — Плата за кровь и другие преступления. — Гостеприимство..... 358

Часть V

Чеченцы (начхе)

Глава 1

Место, занимаемое чеченцами, их разделение на отдельные поколения. — Народное предание о поселении их на местах, ныне занимаемых. — Призвание князей Турловых для водворения порядка и общественного устройства. — Изгнание князей Турловых. — Топографический очерк местности. — Экономический быт чеченцев. — Промышленность и торговля. 373

Глава 2

Религия. — Основание учения о муридизме. — Духовенство и его положение. Суеверие. Колдуны и колдуньи. — Порча сглазу. — Гадание. 389

Глава 3

Чеченское селение. — Дом. — Гостеприимство. — Характер чеченца. — Наружный вид и одежда. — Чеченская женщина и ее характер. — Сваговство и обряд бракосочетания. — Семейный быт. — Обычаи при рождении. — Отношение родителей к детям. — Похоронные обычаи..... 417

Глава 4

Сословия чеченского народа и его управление в период независимости. — Суд и расправа. — Права собственности и наследства. — Управление Чечни, введенное Шамилем. — Разделения на наибства. — Военная организация и хищнические набеги чеченцев..... 455

Часть VI

Дагестанские горцы

Глава 1

Географическое положение племен, населяющих Дагестан, и их разделение на общества. — Краткий топографический очерк местности, занятой каждым

Содержание

646

из значительнейших обществ. — Экономический быт дагестанских горцев: степень производительности почвы, земледелие, промышленность и торговля..... 501

Глава 2

Религия дагестанских горцев. — Религиозный фанатизм. — Колдуньи, знахари и знахарки. — Суеверие. — Праздники, праздничные обычаи и суеверные обряды. 519

Глава 3

Дагестанское селение. — Дом горца. — Пища. — Гостеприимство. — Домашний быт горца. — Характер, наружный вид и одежда. — Женщина и ее положение в доме. — Народная поэзия. — Характер женщины и ее впечатлительность. 537

Глава 4

Брачные обряды горцев. — Песня, музыка и танцы. — Рождение и воспитание. — Болезнь и способы ее лечения. — Народная медицина. — Знахари и знахарки. — Погребение умерших..... 562

Глава 5

Народное управление, существовавшее у джаро-белаканских лезгин до подчинения их русской власти. — Происхождение зависимых сословий и обязанности их. — Должностные лица и их содержание. — Права собственности и наследства. — Управление дагестанских горцев. — Сословное давление и обязанности зависимых сословий. — Суд по адату и шариату. — Виды преступлений и наказаний. — Кровомщение. — Военные способности и образ войны горцев. 593

Часть VII

Кумыки

Глава 1

Место, занимаемое кумыками. — Легенда о их происхождении и первоначальном управлении. — Происхождение сословий, права и обязанности их. — Духовенство. — Поземельная собственность. 621

Содержание

647

Глава 2

Управление, существовавшее у кумыков в период их независимости. — Положение о штрафах. — Народные собрания. — Народное управление, введенное при русском правительстве. — Суд по адату и по шариату. — Виды преступлений и наказаний. — Кровомщение..... 634

Глава 3

Некоторые особенности, существующие у кумыков в брачных церемониях, семейном быте и в правах женщины. 639

После ужина, обыкновенно начинающегося в четвертом часу пополудни, гости расходятся. На другой день, часу в десятом утра, на двор жениха приводят двух или трех баранов и несколько кур. Новобрачный одним ударом должен отсечь голову барану; то же самое делают шафера с остальными баранами и курами и немедленно отправляют их на кухню. Вечером приглашаются на ужин все гости, бывшие накануне на свадьбе¹.

По выходе замуж молодая закрывает свое лицо платком, оставляя открытыми только глаза и нос; при встрече с посторонними она прячет свое лицо в чадру или в платок. Кроме мужа, сестер и малолетних детей, она не может ни с кем говорить — тестю и теще отвечает знаками, а муж не должен называть ее по имени. Когда вскоре после свадьбы в доме случится кто-нибудь из почетных гостей, молодая подносит ему чашу вина и целует его руку, а если он останется ночевать, то в прежнее время молодая обязана была омыть ему ноги.

¹ Мансуров М. Свадебные обряды армян Новобаязетского уезда // Кавказ. 1856, № 55; Армянская свадьба в деревне // Там же. 1851. № 88; Шопен И. Исторический памятник состояния Армянской области и проч.

Содержание

Часть I Абхазцы (азега)

Глава 1

Место, занимаемое абхазцами, и разделение их на отдельные поколения. — Характер местности, занятой абхазским племенем. — Экономический быт населения. — Монетная система, существовавшая у жителей гор. — Климатические особенности страны..... 7

Глава 2

Религия абхазцев и их суеверие. — Праздники. — Джигитовка и народные игры. — Пляски абазин. — Народное суеверие и легенды. — Гадальщицы, ворожеи и знахарки. — Колдуны, ведьмы и водяные 17

Глава 3

Абхазское селение. — Дом. — Одежда. — Абхазская женщина и положение ее в семействе. — Брачные обряды. — Гостеприимство и пища. — Семейный быт. — Рождение. — Воспитание и атальчество. — Похороны 42

Глава 4

Сословия, существовавшие в Абхазии. — Права и обязанности владельца. — Права и обязанности остальных сословий. — Политический строй абхазского племени. — Родовые союзы. — Народные собрания. — Кровомщение. — Народный суд. — Виды преступлений и наказаний. — Военное устройство абазин..... 64

Часть II**Сванеты (шаны)****Глава 1**

Краткий топографический очерк местности. — Несколько слов об экономическом быте сванетов. — Разделение страны на дадиановскую, княжескую и вольную. — Сословия, существовавшие у сванет. — Народное управление. — Юридическое устройство и суд 88

Глава 2

Религия сванетов. — Духовенство. — Обряд богослужения. — Народное суеверие. — Гадание 97

Глава 3

Дом сванета и его внутренний быт. — Народные увеселения: пение и пляска. — Легенда об Отаре. — Наружный вид и характер. — Одежда. — Брак. — Положение женщины в семействе. — Рождение. — Кровомщение. — Похороны.....105

Часть III**Картвельское племя**

Несколько слов о картвельском племени и его разделении..... 119

Часть IV**Грузины****Глава 1**

Рождение, крещение и свадьба. — Дом грузина. — Одежда. — Пища. — Положение женщины в семействе..... 125

Глава 2

Городской дом грузина. — Увеселения и праздники: Рождество, Новый год, Масленица, вичаки и Пасха. — Храмовые праздники и присутствие на них порченных. — Гадальщицы и знахарки..... 149

Глава 3

Суеверие и предрассудки грузинского народа..... 174

Глава 4

Сословное деление грузинского народа..... 183

Глава 5

Юридическое, гражданское и военное устройство грузинского народа 197

Часть V**Имеретины, мингрельцы и гурийцы****Глава 1**

Природа Имеретии, Мингрелии и Гурии. — Богатство растительности. — Климатические особенности. — Дома туземцев..... 217

Глава 2

Характер имеретин, мингрельцев и гурийцев; их одежда. — Гостеприимство. — Пища туземцев 223

Глава 3

Церковные праздники и народные обычаи. — Суеверие. — Рождение. — Похороны. — Поминки..... 233

Глава 4

Взаимные отношения членов семейства: уважение к старшим. — Туземная вежливость. — Управление, существовавшее в Имеретии, Мингрелии и Гурии. — Образ жизни владетелей. — Административные учреждения в Имеретии. — Военное устройство. — Сословия, существовавшие в Имеретии, Мингрелии и Гурии. — Духовенство и его положение. — Права и обязанности сословий..... 259

Часть VI**Тушины, пшавы и хевсуры****Глава 1**

Тушины, пшавы и хевсуры; их характеристика и место, ими занимаемое. — Наружный вид, одежда и вооружение 283

Содержание

430

Глава 2

Религия, обряды, капища и юридическое устройство тушин, пшавов и хевсур 294

Глава 3

Дом хевсура, пшава и тушина; их семейный быт и гостеприимство. — Суеверие и обычаи при свадьбах, рождении и похоронах..... 308

Часть VII

Мусульманские провинции Закавказья

Несколько слов о существовавших прежде ханствах и их населении..... 323

Часть VIII

Татары

Глава 1

Религия татар. — Разделение их на две секты: суннитов и шиитов. — Особенности каждой секты. — Праздники. — Шах-Гуссейн, или Праздник шиитов в память убиения имама Гуссейна. — Суеверие и легенды татар 334

Глава 2

Татарское селение и дом. — Быт татарина. — Кочевка. — Характер татар. — Татарская женщина. — Одежда мужчин и женщин. — Положение женщины в семействе. — Деспотизм мужа и стремление женщины выйти из рабского положения 357

Глава 3

Свадебные обряды татар и их увеселения. — Татарские песни, танцы и музыкальные инструменты. — Борьба силачей. — Расторжение браков. — Рождение. — Болезни и способы туземного лечения. — Погребение умерших 376

Глава 4

Сословия, существовавшие в ханствах. — Мусульманское духовенство и его значение. — Несколько слов о ханском управлении..... 390

Содержание

431

Часть IX

Армяне

Глава 1

Природа Армении и занятие ее жителей. — Рассеяние армянского населения и разнохарактерность его: армавирцы и тумбульцы. — Жилища армян, их пища и характер. — Одежда мужчин и женщин. — Характер женщины. — Религия армян. — Особенности некоторых праздников. — Суеверие..... 405

Глава 2

Свадебные обряды у армян. — Музыка и танцы 420